

Вячеслав Олегович Калинин

СЕВЕРНАЯ САГА МЕДВЕЖЬЯ ДОЛЯ

Вячеслав Калинин

Северная сага. Медвежья доля

«Автор»

2026

Калинин В. О.

Северная сага. Медвежья доля / В. О. Калинин — «Автор», 2026

Пока конунг Хельги, теперь - князь Олег, занят укреплением власти в Полоцке, его друзья Ратибор и Сергей отправляются в поход на Север. В Данциге их пути расходятся. Ратибор идет к данам, чтобы Беляй получил землю отца, но наследственный надел сожжен дотла, родичи перебиты, а убийца скрылся в неприступных шхерах. Друзья отправляются в погоню и их путь лежит через морские битвы, ночные схватки и горные тропы, где каждый шаг может стать последним. Сергей, после того, как помог поморянам наказать разбойников, идет в Орхус за невестой, но вскоре вынужден бежать оттуда, потому что сказал лишнего конунгу данов. В это время на Балтике пахнет большой бедой: князь Лешко собирает войско, и ходят слухи, что цель - Полоцк. Наемники стекаются к лехитам со всего Севера, чтобы продать мечи тому, кто больше заплатит. В шестой книге «Северной саги» читателя ждут новые схватки, где каждый удар решает судьбу, и интриги, где каждое слово может стать последним. Медвежья доля не прощается - ее берут силой.

© Калинин В. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Вячеслав Калинин

Северная сага. Медвежья доля

*Автор ни в коем случае не претендует
на историчность описываемых в книге
событий, фактов и персонажей. Все
перечисленное является фантазией*

Глава 1.

Зима в этом году выдалась лютая, но прекрасная. Дремучие леса вдоль Западной Двины красовались белыми одеждами, окованные морозом так, что кора на деревьях трещала по ночам, словно щиты в недавней битве с войском бывшего князя-братоубийцы Драгомира. Но над Полоцком, над его высоким детинцем, где обновленные стены из могучих бревен глядели на замерзшую реку, небо было чисто и холодно, и солнце, вставая из-за сугробов, рассыпало по снегам алмазные искры.

К тому дню, когда конунг Хельги Скогатт, он же князь Олег, запланировал официально узаконить отношения с княжной Ингигердой, готовились загодя. И не для него одного шла та подготовка - для всех его военачальников, кои также пожелали жениться и скрепить родство на земле Полоцкой.

Свадьба замышлялась небывалая: помимо конунга с княжной скрепить себя узами брака собирались ярл Сигурд Бочка Мёда с Греттой Грамдоттир, матерью юного хевдинга Магни Стейнссона, сам Магни с дочерью конунга Айварса, красавицей Лагертой, которую привез в Полоцк эзельский ярл Акке, да еще воевода Ратибор Белый Кречет с Айникки, дочерью кирьяльского вождя, оба его побратима-ульфхеднара, Аудульф и Беляй, с Раннвейг и Дариной соответственно, да берсерк Болли Костолом со Снежаной.

Ладожский князь Гостомysl тоже обещал приехать, чтобы отпраздновать вместе с конунгом и свою свадьбу с Руяной, княжной из южных земель, ведь таков был его уговор с Олегом.

Собирались погулять на славу, чтобы и старых богов почтить, и новую власть утвердить, законную, наследуемую Ингигердой по праву, да и силу всем соседям показать следовало.

К обряду готовились, как полагается.

За день до свадьбы, на закате, когда мороз стал крепчать и звезды высыпали на небо крупным бисером, повели невест в мыльню¹, что стояла у самого обрыва над Двиной. Княжон Ингигерду и Руяну сопровождали жены уважаемых полоцких и ладожских бояр, и сенные девушки-служанки. Там топили жарко, так что пар валил клубами, оседая инеем на притолоках предбанника.

В мыльне той, по старому обычаю, смывали девичью красу и причитали. Но княжны, хоть и молоды были, держались гордо - слезы зря не проливали, лишь губы кусали, когда расчесывали им волосы гребнями из рыбьей кости, приговаривая: «Коса-девичья краса, расплетайся, в две ложися, под венец готовься». Старшие женщины шепотом наставляли их, как правильными женами быть, как мужа встречать, как первыми ласку дарить, чтобы союз был крепче боевого щита.

В это же время в другой, меньшей мыльне, парились невесты ярла, воеводы и хевдингов. Там смех был звонче, но и слез больше - одна из девиц, Снежана, варяжская дочка, что за нурманна Болли Костолама шла, все боялась, что родня застыдит, но ее утешали: по обоюд-

¹ Мыльня (устар.) - баня.

ному согласию и любви у них с берсерком, да и воин он славный, значит, стыдиться нечего - судьба это.

Мужи же в ту ночь мылись отдельно, в бане на подворье у воеводы Ратибора. Олег, по обычаю, хлестал себя веником березовым так, что тело стало красным, как у вареного рака, а после выбегал во двор и валялся в сугробе, поднимаясь потом во весь богатырский рост в облаке пара. Друзья-военачальники, кто помоложе, ныряли следом за князем - с хохотом, с криками, меряясь, кто дольше выдержит стужу. Старые Трувор, Эйрик и Добран, седые деды, не стали выбегать, и лишь кряхтели на полках, усмехаясь в белые бороды и приговаривая: «Ваша-то удаль молодая, а наша удаль - в другом теперь».

Утро встало морозное, с инеем на бревнах и дымом, что столбами поднимался к небу. Полоцк гудел. Народ валил на площадь перед главным капищем, где несколько старых волхвов, кудесников в длинных лисьих шубах, расшитых тайными знаками и увешанных оберегами, уже раскладывали костер посреди святилища, у самых подножий изваяний Перуна Молниерукого, Велеса, Сварога, Рода, Дажьбога и Мокоши. Все чтили обычаи предков, на чьей земле сейчас обитали и которую считали своим домом, будь то славяне, викинги, эсты, кирьялы, франки, фризы или англы.

Первым начал главный волхв. Когда женихов и невест вывели на снег, расчищенный до мерзлой земли, главный из старцев поднял руки к небу, призывая Рода-батюшку и Мокошь-судицу. Олег с Ингигердой и Гостомысл с Руяной стояли впереди всех на шкурах белых медведей, брошенных прямо на землю. За ними, уже на шкурах бурых мишек, расположились остальные пары. Мороз щипал щеки, но никто не смел шелохнуться. Княжна Ингигерда, в тяжелой собольей шубе поверх свадебного платья, с лицом, разрумянившимся от стужи и волнения, была так особенно прекрасна, что старый Трувор шепнул племяннику Доброге: «Гляди, как ледяная царица из саги. Не растает ли в объятьях нашего князя-конунга?»

Волхв обвел вокруг брачующихся князей, связанных попарно рушниками, огненной чертой, окропил водой, которую тут же затянуло ледяной коркой на мехах, и велел обойти вокруг костровища трижды. Снег скрипел под ногами. Пламя лизало морозный воздух, и когда молодые перешагивали через костер (а перешагивали, взявшись за руки, высоко поднимая ноги, чтобы не задеть), народ ахнул - пламя взметнулось выше, словно приняв обе княжеские пары и породнив их.

Тут же, не сходя с места, все волхвы, представляющие разных богов, по очереди прочитали свои молитвы, и Олег, хоть и не все слова разбирал, стоял смирно, лишь изредка поглядывая на невесту. Когда же надели на всех четверых венцы - золотые, обвязанные разноцветными лентами - Ингигерда подняла глаза на мужа. В них был и страх, и надежда, и великая гордость. Олег кивнул ей коротко, по-воински, словно говоря: «Не бойся, я - твой щит и меч».

Точно так же обвели вокруг огня и остальных молодоженов с их избранницами.

Сигурд, сияющий от радости, стоял на шкуре рядом с тонкой, чернобровый Греттой, и держал ее за руку так бережно, словно она была хрупкой веточкой.

Ратибор, Аудульф, Белай и Болли с невестами держались единой группой и прыгали через огонь одновременно, улыбаясь во весь рот.

Молодой Магни, светясь от счастья, чуть не опрокинул костер, когда перешагивал, и его конунгова дочка звонко рассмеялась, за что получила укоризненный взгляд от старших женщин, но Магни сжал ее ладонь крепче: смейся, сколько захочешь, мол, так и надо.

После обряда, когда молодые отправились в гридницу на пир, народ повалил на реку. Двина стояла, скованная льдом, и на том льду, расчищенном от снега, развернулись игрища, каких Полоцк не видывал. Рядом расставили столы с угощениями, разожгли костры, на которых жарили мясо, выкатили бочки с разными напитками, чтобы народ после веселья мог основательно подкрепиться во славу молодоженов и богов.

Первым делом - бои стенка на стенку. Хирдманы Олега, рослые, в полушубках, подпоясанные ремнями, вышли против гридней-варягов, полоцких молодцов. Смешались в кучу, с хохотом, с уханьем, валили друг друга в снег, катались, пока мороз не заставлял вскакивать. Старики, кутаясь в тулупы, кричали с берега, подначивая. Ярл Харальд Вигге, скинувший тяжелую шубу, в одной рубахе, полез в самую гущу и двоих здоровяков ловко приложил лбами друг о дружку, за что народ наградил его одобрительным ревом.

Потом начались конные состязания. Князь Олег с остальными, хоть и женихи, не усидели в гриднице - вышли поглядеть. Вывели им коней белых, как первый снег, и они, вскочив в седла, поскакали вдоль берега, показывая удаль. На льду поставили мишени - снопы соломы, облитые водой и замерзшие в ледяные глыбы. Олег на всем скаку метнул сулицу, и сулица та, звякнув, разбила глыбу вдребезги. Ингигерда, стоявшая на высоком крыльце в окружении невест и боярынь, всплеснула руками, и легкий румянец стал еще ярче.

Ярлы не отставали. Магни, молодой и горячий, ринулся принять участие в скачках с добычей платка. Девушки бросали расшитые платки высоко в воздух, а всадники должны были сходу подхватить их на лету, не свалившись с коней. Магни ловко поймал платок, подброшенный Лагертой, но, зарвавшись, чуть не вылетел из седла, когда конь споткнулся о наледь, - и опять же хохот стоял до слез.

А под вечер, когда уже сумерки синие опустились на реку, зажгли смоляные бочки на высоких шестах, и при свете их началась борьба. Старый Трувор, несмотря на седину, вышел против молодого полоцкого десятника. Долго они ходили кругами, мерзлый снег скрипел под ногами, пар валил изо рта. Трувор, уловив миг, подсек воина и бережно, без злобы, опрокинул в сугроб. Тот встал, отряхиваясь, и поклонился:

- Уважил, воевода. Меня так же научишь?

- Приходи ко мне в Плесков, - крикнул Трувор. - Научу, как старых волков не злить.

- Эй, дядька Трувор! - рассмеявшись, крикнул Олег. - Не вздумай моих воев к себе переманивать!

Народ снова дружно взорвался хохотом.

Когда совсем стемнело и мороз стал злее, весь люд повалил в княжескую гридницу. Там было много места и жарко натоплено, смолистые лучины и жировые светильники освещали стены, увешанные оружием и шкурами. Столы ломились от разнообразных яств.

Подавали первое - студень из хрящей и мяса, густо застывший, с хреном, от которого слезы наворачивались, и с квасом. Потом несли лебедей жареных, в перья обратно наряженных, чтоб как живые лежали на блюдах. Целые кабаны, с воткнутыми в пасти яблоками и травами, дышали паром. Рыба - и копченая, и вяленая, и в тесте печеная, и уха наваристая, где ложка стоит, исходили ароматами. Мед - старый, ставленный, морс ягодный, пиво крепкое и вина греческие из корчаг лились рекой.

Олег сидел во главе стола под знаком молота Тора, для порядку. Ингигерда - по правую руку, снявшая уже тяжелый девичий венец, в повойнике замужней женщины, отчего лицо ее стало еще нежнее и строже сразу.

Скальд Торбьёрн Ветер затянул песню - сперва про подвиги Олега, как тот славно в вик к фризам ходил, как вепсов разгромил, как Драгомира победил. Потом про князя Гостомысла и остальных женихов, по старшинству. Гуслиеры подыгрывали, и гул одобрения стоял в огромном зале. Потом, по знаку князя, начались состязания застольные.

Кто кого перепьет, но без свары, а с честью. Харальд вызвал ладожского сотника - пили по рогу меда, не отрываясь, и оба утерлись, только раскрасневшись. Ничья, и то добро.

Потом загадывали загадки. Старый Добран загадал мудреную, про то, что висит на стене и плачет, когда стреляют (это мишень оказалась). Отгадал отрок какой-то с дальнего края стола, получил за то кусок пирога с зайчатиной.

А потом пошло веселье непотребное - скоморохи ввалились, в овечьих шкурах, с бубнами, с гудками, с дудками. Плясали так, что половицы гнулись. Молодой Магни, разгоряченный медом, выскочил плясать вприсядку перед своей женой, а она, конунгова дочка, хохотала и хлопала в ладоши, не стыдась уже ничего.

Сам Олег, после седьмого рога душистой медовухи, встал, пошатнулся чуть, но устоял. Подошел к окошку, раздвинул полог - там, за слюдой, искрился снег под звездами. Ингигерда приблизилась неслышно, встала рядом. Он обнял ее за плечи одной рукой, тяжелой, и молвил тихо, так, чтоб только она слышала:

- Гляди, княгиня. Земля твоя. Отныне - и моя. И детям нашим. Крепко стоять будем, обещаю!

Она подняла на него глаза, синие, как зимняя ночь, и положила ладонь ему на грудь, туда, где под рубахой билось сердце, не знавшее доселе покоя.

Пир же гремел до самого утра. И когда на рассвете, усталые и счастливые, хозяева и гости расходились по клетям и по домам, над Полоцком занялась заря - алая, морозная, обещающая новый день с продолжением пира и гуляний, согретых медом, любовью и крепким словом, данным перед богами и людьми.

Свадьба гремела очередной день, а гости до сих пор съезжались в Полоцк - те, что не успели вовремя - и знать, и простолюдины. Ведь свадьба - это не только свадьба, но и повод хорошо поторговать в необычно многолюдном сейчас городе.

Приезжали и из Ладogi, и из Плескова с Белоозером, и из Смоленска, и из Нового города - молодого Новгорода, что недавно основал Олег, были гости-купцы из свеев и данов, из эстов и ливов, что держали торговый путь по замерзшей Двине.

Князь Мстислав из Смоленска сам приехать не смог, потому как сильно занедужил, но прислал вместо себя одного из сыновей - Ростислава, восемнадцатилетнего рослого парня, веселого и добродушного. Он, как подобает, представился Олегу с Ингигердой, преподнес подарки всем молодоженам и передал поклон от отца, объяснив, почему тот не приехал сам.

- Желаем здоровья твоему отцу, князю Мстиславу! - обнял княжича Олег. - Передавай ему от нас привет! А ты, Ростислав, будь нашим гостем, пей, гуляй, веселись, отдыхай!

Гостомысл, князь ладожский, пожаловал с ближней дружиной, которую несколько укрепил за последние месяцы, набрав в гридни наемных викингов. Ему было лестно присутствовать здесь, у сильного старшего товарища и соседа-союзника, но и свою возросшую силу он тоже хотел показать, на всякий случай. Дружба дружбой, но кто знает, как жизнь повернется.

Пир шел в большом княжеском тереме, где места хватало на пару сотен человек, а то и больше. Столы ломились от яств, пиво и мед лились рекой, скальды, которыми верховодил Торбьёрн Ветер, сменяли друг друга, воспевая подвиги предков и ныне живущих героев.

Женщины расположились теперь в противоположном от князя-конунга конце стола. Молодая Ингигерда занимала центральное место, как и подобает княгине. Вокруг нее собрались другие невесты и знатные женщины, жены, матери и сестры дружинников, бояр, хевдингов, хольдов и хускарлов.

Княгиня сидела тихая и румяная, бросая нежные взгляды на Олега, а сам князь был весел и щедр - каждому гостю подносил дары, каждому говорил доброе слово.

Воевода Ратибор со своими людьми занял почетное место рядом с князем. Ярл Храфн, он же Сергей, сидел тут же, молчаливый, сосредоточенный, и больше приглядывался к гостям, чем пил. Аудульф с Беляем, напротив, налегали на жареного поросенка с таким усердием, что у них за ушами трещало.

Среди гостей было много знатных и славных, но особое внимание привлекала дружина Гостомысла. Ладожские воины сидели плотно, плечом к плечу, пили мерно, ели без жадности, и на лицах их читалась та особая надменность, что свойственна людям, привыкшим считать

себя первыми на северном пути. Сам Гостомысл, еще совсем молодой, но уже поднабравшийся опыта, с ясными, цепкими глазами, которые ничего не упускали, сидел по левую руку от Олега, на почетном месте.

Чуть пониже и поодаль от Гостомысла расположился один из его старших дружинников - огромный, широкоплечий, с бычьей шеей и русой бородой, заплетенной в тугую косу. Звали его Мокша. Он уже изрядно захмелел, глаза его блестели, а язык стал развязным.

Сначала все шло чинно. Олег поднимал кубки за гостей, гости - за князя и других молодых. Скальды пели, женщины улыбались, дети бегали между столами, ловя объедки. Но чем дольше длился пир, тем громче становились голоса, тем острее шутки, тем опаснее взгляды.

Все началось с того, что Мокша, отставив очередную кружку, громко, так что слышно было на половину зала, сказал своему соседу:

- Смотри-ка, как полоцкий князь развернулся. На свадьбу к себе всю знать созвал, дары раздает, дружбы со всеми ищет. А чего ему искать? Такими темпами он скоро всю округу захватит. До Ладоги, поди, тоже доберется.

Слова его упали в зале, как камень в тихую воду. Несколько человек обернулись, кто-то замер с кубком у рта, кто-то переглянулся. Гостомысл нахмурился, слегка напрягся, но промолчал, делая вид, что не расслышал.

Но зато расслышали другие.

За столом Ратибора сидел молодой дан по имени Эйвинд. Парень он был горячий, правдолюбивый и к тому же недолюбливал ладожан. Кто-то из них девицу отбил у Эйвинда, когда хирд конунга Хельги в Альдейгье-Ладоге квартировал перед броском на Полоцк. Услышав слова Мокши, дан поднялся, оправил рубаху и громко сказал:

- А ты, ладожанин, языком-то не трепли, чего не ведаешь. Князь наш Олег - конунг Хельги - ни на чью землю не зарится. А если кто зарится, так это вы, ладожские, на наши пути торговые.

Мокша медленно повернул голову. Глаза его сузились.

- Ты это кому, щенок?

- Тебе, - ответил Эйвинд, шагнув вперед. - Кому же еще.

В зале стало тихо. Даже музыканты прекратили играть. Все взгляды устремились на двух мужчин, стоявших друг против друга между столами. Эйвинд был моложе, сухоощавее, но в нем чувствовалась та упругая, жилистая сила, что бывает у людей, выросших на палубе драккара с мечом в руках. Мокша выглядел гораздо тяжелее, массивнее, и казалось, что один удар его руки может сломать противника пополам.

- Молодой ты еще, - сказал Мокша, вставая. Скамья под ним жалобно скрипнула. - Не учи старших.

- А ты не пей сверх меры, - огрызнулся Эйвинд. - Тогда и язык за зубами держать легче будет.

Мокша двинулся вперед. Эйвинд не отступил. Секунда - и они сцепились.

Мокша ударил первым - тяжелым, размашистым ударом, от которого любой другой рухнул бы замертво. Но Эйвинд был быстр. Он ушел в сторону, пропустил кулак мимо уха, и тут же ответил - коротко, хлестко, в солнечное сплетение. Мокша охнул, согнулся, но устоял. Схватил Эйвинда за ворот, рванул на себя. Они закружились по залу, сшибая скамьи, роняя кружки, опрокидывая блюда. Кто-то из гостей вскочил, кто-то закричал, кто-то бросился разнимать.

- Хватит! - рявкнул голос кого-то из старших.

- Разнимите их!

- К оружию!

Но драка уже захватила обоих. Мокша, разъяренный, попытался схватить Эйвинда за горло, но тот, извернувшись ужом, подсек противнику ногу. Ладожанин рухнул на колени, и

в тот же миг на него навалились сразу трое - свои же, из дружины Гостомысла, и еще двое из других гостей, что оказались рядом.

- Хватит! - на этот раз голос был властным и громким. Олег поднялся из-за стола, лицо его было спокойно, но в глазах метался холодный огонь. - На моей свадьбе - драка? Среди гостей - побоище?

Мокшу и Эйвинда растащили в разные стороны. Дан был цел, только рубаха порвана. Мокша тоже особо не пострадал, только губа разбита, но дышал он тяжело и смотрел на молодого хирдмана с такой злобой, что всем стало ясно - на этом дело не кончится.

- Ты, - выкрикнул Мокша, указывая на Эйвинда дрожащим пальцем. - Ты за это ответишь. Утром - поединок! Хольмганг, как вы, северяне, говорите. Я вызываю тебя!

Эйвинд вытер пот со лба стороной ладони и усмехнулся.

- Принимаю.

- Оба с ума сошли, - проворчал кто-то из гостей.

- Молодые, горячие, - отозвался другой.

Гостомысл, до того молчавший, поднялся. Лицо его было непроницаемо.

- Утром так утром, - сказал он ровно. - Пусть решают, как мужи. Кровь на свадьбе - дурной знак, но если уж так вышло... - он посмотрел на Олега. - Князь, позволишь?

Олег помедлил. Взгляд его скользнул по лицам гостей, остановился на Ратиборе, потом на Гостомысле.

- Позволю, - сказал он наконец. - Но без смертоубийства. Хольмганг до первой крови, на рассвете, на торговой площади. И чтобы все по закону, как положено!

Мокша хотел было возразить, но Гостомысл бросил на него такой взгляд, что тот прикусил язык и молча опустил на свое место.

Эйвинд тоже сел, и Ратибор, наклонившись к нему, тихо сказал:

- Горяч ты, парень. Зря затеял.

- Не зря, - ответил Эйвинд, не отводя глаз. - Я правду сказал. А за правду надо стоять.

- Стоять - надо, - согласился Ратибор. - Но голову тоже беречь нужно. Завтра ты с ним выйдешь, а он тяжелее тебя в два раза, сильнее, опытнее. Что будешь делать?

- А там видно будет, - усмехнулся дан. - Не в первый раз.

Ратибор покачал головой, не разделяя уверенности Эйвинда.

Пир продолжился, но прежнего веселья сегодня уже не было. Гости перешептывались, поглядывали на ладожан и на людей Ратибора, ждали утра. Князь Олег сидел с каменным лицом, лишь изредка бросая взгляды на Гостомысла. Молодой ладожский правитель не выказывал ни беспокойства, ни гнева - только неторопливо пил мед и закусывал его тонкими ломтиками вяленой рыбы.

Ночь прошла тревожно. В тереме погасли огни, гости расходились по лавкам и скамьям, но сон не шел ко многим. Эйвинд сидел у окна, глядя на темное небо, и тихо перебирал в голове все схватки, что были у него прежде. Мокшу он видел впервые, но знал - такие, как он, полагаются на силу, на мощь, на неудержимый натиск. Значит, надо бить не силой, а быстротой и хитростью. Не в лоб, а сбоку. Не по броне, а по незащищенному.

Рядом с даном сидели товарищи - Аудульф, Беляй, Торир. Молчали, не мешали. Каждый думал о своем.

- Тебе нужно выспаться, - сказал наконец дядька Торир. - Да и нам не помешает. Ложись-ка, парень!

Утром, едва солнце позолотило запорошенные снегом верхушки деревьев, на торговой площади собрались почти все жители города и гости. Место для хольмганга выбрали ровное, очистили от снега, прилавок и тележек торговцев. Очертили круг. В круге - только двое. За кругом - все остальные.

Эйвинд вышел первым. Был он в легкой кольчужке, не стеснявшей движения, с мечом в руке - удобным, отлично сбалансированным, работы кузнецов Ратибора. Щит при нем имелся небольшой, чтобы удобнее было маневрировать, полагаясь на скорость и точность. Длинные волосы дан стянул в хвост кожаным ремнем, чтобы не лезли в глаза, и нацепил простой, круглый шлем. Лицо его выражало спокойствие, только в глазах горел тот холодный огонь, что бывает у людей перед боем.

Мокша вышел следом. Он выбрал меч подлиннее, пошире, с массивной рукоятью, и большой круглый щит, обтянутый кожей и окованный железом по краю. На ладожанине была кожаная куртка с нашитыми железными пластинами - не кольчуга, но защита надежная. Он смотрел на Эйвинда сверху вниз, и в глазах его читалась уверенность.

- Готовы? - спросил Олег, стоявший у края круга.

- Готов, - звонко ответил Эйвинд.

- Готов, - сквозь зубы процедил Мокша.

Он был уверен, что справится с наглым молодым даном за минуту.

- Начинайте.

Мокша двинулся первым. Он не спешил, примеривался, ища удобный момент. Щит держал высоко, меч опустил так, чтобы можно было ударить и сверху, и сбоку. Эйвинд стоял неподвижно, чуть согнув колени, конец меча смотрел в землю.

Первый удар Мокши был тяжелым, рубящим - он хотел сразу сломать защиту, вдавить противника в ледяную землю вместе с его легким щитом. Эйвинд ловко ушел в сторону, пропуская лезвие мимо, и тут же ответил коротким, хлестким ударом по щиту. Сталь звякнула о железную оковку, но не разрубила ее, оставив лишь вмятину. Кажется, что дан решил поберечь дорогую сталь.

Мокша развернулся, ударил снова - на этот раз снизу, целя в бок. Эйвинд принял удар на плоскую поверхность меча, не боясь, что он сломается, отскочил, снова ушел в сторону. Он не вступал в прямую схватку, кружил вокруг противника, вынуждая того тратить силы на развороты и замахи.

- Бегаешь, как заяц, - проворчал кто-то из ладожан.

- Заяц, который обрубил хвост вашему толстому бобру, - громко ответил Сергей.

Ладожанин, бросив недобрый взгляд на ярла, не посмел ответить, струхнул.

Мокша начал злиться. Он удвоил натиск, обрушивая на Эйвинда удар за ударом. Меч его гудел в воздухе, щит ходил ходуном. Дан отступал, уходил, уклонялся, но не падал, не сдавался. Он выжидал.

И дождался.

Мокша, увлекшись, сделал слишком широкий замах. Щит его отъехал в сторону, открывая левый бок. Этого мгновения Эйвинд и ждал. Он рванулся вперед, скользнув под мечом противника, и ударил - коротко, мощно, точно. Острие его меча вошло в левое плечо Мокши, чуть выше локтя, рассекая кожу и мышцы.

Кровь хлынула ручьем. Мокша взревел от боли и ярости, выронил щит, схватился за раненую руку. Меч его упал на утоптаный снег. Эйвинд отступил на два шага, опустил клинок.

- Первая кровь, - сказал он ровно. - Бой окончен.

Мокша смотрел на него бешеными глазами, но возразить не мог. Правила хольмганга соблюдались неукоснительно: первая кровь - конец поединку. Ладожанин проиграл. Проиграл молодому, верткому хирдману, который даже не запыхался.

- Мы еще встретимся, щенок! - прошипел побледневший от боли Мокша сквозь зубы, так, что его услышал только Эйвинд.

Дан лишь ухмыльнулся, не ответив ничего.

В кругу воцарилась тишина. Потом Олег шагнул вперед.

- Бой честный, - сказал он. - Победитель - Эйвинд, сын Эйрика. Проигравший - Мокша, дружинник Гостомысла. Кровь пролита, дело кончено, Боги сказали свое слово.

Князь посмотрел на Гостомысла. Молодой правитель Ладоги стоял, скрестив руки на груди, и лицо его было мрачнее тучи.

- Мокша, - сказал он, и голос его, тихий и спокойный, заставил всех вздрогнуть. - Подойди.

Ладожанин, зажимая рану, приблизился к своему князю. Гостомысл смотрел на него долго, тяжело, не мигая.

- Ты опозорил меня, - сказал он наконец. - На свадьбе конунга Хельги, среди лучших людей севера, ты вел себя как пьяный скот. Ты вызвал на бой и проиграл. Ты, гость, поднял руку на хозяина, когда надо было держать язык за зубами. И ты опозорил мою дружину.

Мокша побледнел еще сильнее.

- Княже...

- Молчи! - оборвал его Гостомысл. - Я не держу в своей дружине тех, кто позорит меня. Сними пояс.

Мокша замер. Снять пояс - это означает лишиться оружия, звания, места среди воинов. Это хуже смерти для того, кто всю жизнь служил мечом.

- Княже, - повторил он, и в голосе его прозвучала мольба.

- Сними пояс, я сказал! - Гостомысл шагнул к бывшему уже дружиннику. - И убирайся с глаз моих. Не хочу тебя видеть, не хочу слышать о тебе. Если встретишь меня где - обходи стороной.

Мокша, не веря своим ушам, медленно отстегнул пояс с мечом. Положил его на снег перед Гостомыслом. Потом развернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Кровь с его раны капала наземь, оставляя алый след на снегу.

В толпе зашумели. Кто-то сочувствовал, кто-то осуждал, но большинство молчало - настолько суровым и неожиданным был приговор Гостомысла.

Олег подошел к молодому правителю, положил руку ему на плечо.

- Сурово, - сказал он.

- Справедливо, - ответил Гостомысл. - Позор на моей дружине - позор на мне. А я не привык позориться.

Он посмотрел на Эйвинда, который все еще стоял в кругу, опустив меч.

- Ты хорошо бился, воин, - сказал он. - Быстро, умно, без злобы. Не убил, когда мог. За это тебе почет!

Эйвинд слегка поклонился.

- Спасибо, князь.

Пир продолжился в тот же день, с той же прежней безудержной веселостью, но гости стали немного тише и осторожнее в словах. Гостомысл, прогнав опозорившего себя дружинника, сидел рядом с Олегом и говорил о союзе, о торговых путях, о том, как лучше защищать северные земли от общих врагов. Кровь, пролитая утром на снегу, словно скрепила их договор крепче всяких грамот и клятв.

Эйвинд сидел за столом Ратибора и пил мед маленькими глотками. Товарищи хлопали его по плечу, хвалили за смелость и умение, но он был не весел.

- Чего не радуешься? - спросил его Аудульф.

- Нечему радоваться, - ответил Эйвинд. - Человека из дружины выгнали, из-за меня.

- Из-за его поганого языка, - поправил Сергей. - Не ты за него слова говорил. Не ты позорил своего князя. Все, что случилось - на его собственной совести.

- Может, и так, - вздохнул Эйвинд. - А все равно тяжело...

Ратибор, сидевший рядом, молча поднял кубок. Товарищи подхватили. За здоровье победителя пили, но без обычного шума и гама. Свадьба продолжалась, и впереди были еще многие дни пиров и гуляний, но этот день - день крови и позора - запомнился всем надолго.

Олег, оглядывая зал, видел, как сидят его гости, и знал - этот случай укрепил его союз с Гостомыслом. Кровь, пролитая на поединке, смыла старые недомолвки и показала, что и полоцкий князь, и ладожский правитель умеют держать слово и ценить честь выше сиюминутной выгоды.

А Мокша, изгнанный из дружины, побрел на север, держась подальше от больших дорог. Никто не знал, куда он подался, да и не слишком много было охотников об этом вспоминать. Может, и зря...

Глава 2.

Спустя две седмицы, когда все приглашенные гости разъехались, Олег собрал военный совет. Но не в княжеской горнице, а по-простому, по-дружески - в усадьбе воеводы Ратибора, а конкретно - в его бане.

Пар в той мыльне стоял плотный, хоть топор вешай. Густой, удушливый, он клубился под низким потолком, застилая свет от небольшого, но очень дорогого, слюдяного оконца, расположенного почти под самым потолком, и заставляя дрожать огоньки нескольких жировых светильников и лучин, воткнутых в кованые светцы². Воздух, горячий, как дыхание дракона, со свистом врывался в легкие, смешиваясь с терпким духом распаренного березового листа, разомлевшего дерева и слабенького хмельного меда, которым здесь же, прямо в парилке, утоляли первую жажду.

Внизу, у самой двери, сидел тот, кого здесь теперь все чаще называли князем. Конунг Хельги Скогатт, он же Олег, с чьей-то легкой руки прозванный Вещим. Он был высок, мощно сложен, и, казалось, жар действовал на него иначе, чем на остальных. Пока нурманны с варягами пылали, как головешки, князь оставался спокойным, даже бледным. Только острый, как лезвие секиры, взгляд серых глаз блестел из-под намокших светлых прядей. Олег не парился с остервенением, он впитывал жар, словно мудрый змей, греющийся на камне, раздумывая о чем-то своем, далеко от этого веселья. Время от времени он принимал из рук Беляя жбан с напитком, делал маленький глоток и возвращал обратно, ни слова не говоря.

На верхнем полке, вознесшись едва ли не под самую кровлю, восседал ярл Храфн Черный Ворон, он же Горазд, Серж, просто Сергей и еще много кто. Тело его, поджарое и мускулистое, сейчас побагровело, как вареный рак, а отросшие к зиме черные волосы цвета воронова крыла, намокнув, прилипли к спине и плечам, словно крылья одноименной птицы.

Ярл блаженно потянулся, хрустнув всеми суставами, ловко прыгнул вниз, шумно, со свистом, втянул ноздрями воздух и, закатив глаза от удовольствия, плеснул на каменку порцией кваса, щедро приправленного мятой.

- А-а-а-а! Вот это дар богов! - взревел он, и его рык потонул в общем одобрительном гомоне. - Ратибор, друг мой, это лучше, чем мед в чертогах Праотца! Жар пробирает до самых костей, выгоняет всю хворь и мерзкую сырость, которой я вдоволь нахватался в дремучей Англии!

Радужный хозяин, Ратибор Белый Кречет, широкоплечий, с русыми волосами, забранными в хвост, чтобы не мешались, лишь усмехнулся в усы. Он, привычный к такому пару, сидел пониже, лениво похлестывая себя веником по груди и плечам. Тело его, налитое силой настоящего воина, лоснилось от пота.

² Светец - металлический зажим на длинной ножке для закрепления горящей лучины, под которую ставили емкость с водой для падающих углей.

- То ли еще будет, ярл! - ответил он на чистом нурманнском наречии, в котором, впрочем, уже отчетливо слышалась полоцкая певучесть, приобретенный говор от долгого проживания в этой языковой среде. - Сейчас мы добавим жару, а потом Беляй окунет вас в прорубь. Там-то вы и вспомните, как зовут всех холодных нурманнских великанш!

При упоминании проруби могучий ярл Сигурд по прозвищу Бочка Мёда, занимавший собой добрую половину среднего полка, издал звук, похожий на испуганное мычание молодого бычка. Его рыжая борода намочла и торчала во все стороны, а рельефные, слегка обросшие жирком, мышцы живота колыхались от тяжелого дыхания.

- О-о-о, нет, - простонал он на том же языке, - я лучше еще посижу здесь. Море и так холодило меня всю жизнь. Я хочу, чтобы мои старые кости как следует пропарились, а то от одной мысли о проруби мои ноги дрожат! Гуннар, плесни-ка еще нектара на камни!

Молчаливый ярл Гуннар Волчий Клык, сидевший у входа и больше любивший наблюдать за ритуалом, чем участвовать в нем в полную силу, плеснул еще малый ковшик кваса на камни. Пар рванул вверх с новым яростным шипением, обжигая пятки тем, кто сидел наверху. Хевдинг Магни, самый молодой из присутствующих, но уже не менее славный, взвизгнул и поджал ноги, но тут же получил от ярла Харальда Вигге шутливый подзатыльник веником.

- Терпи, волчонок! - гаркнул ярл. - Или ты хочешь, чтобы на тебе, как на старом мече, остались зазубрины? Огонь и жар выжигают слабость!

В углу, на лавке, где было чуть прохладнее, сидели побратимы Ратибора - ульфхеднары Аудульф и Беляй. Аудульф, светловолосый и спокойный, с ленцой похлестывал себя по ногам, мурлыча под нос какую-то заунывную норегскую песню. Беляй же, наоборот, был сама добродушная хитрость, только и ждавший момента, когда можно будет повеселиться - выскочить на улицу и, пробежав по двору, оказаться на берегу замерзшей Двины, где он в шутку сможет толкнуть кого-то из товарищей в ледяную прорубь. В руках он держал запотевший глиняный жбан с ледяным медом, который переходил из рук в руки.

- Ну что, гости дорогие, - прогудел Беляй на правах одного из хозяев подворья и бани, протягивая жбан Сигурду, чтобы тот унял дрожь в ногах. - Как вам наша баня? У вас там, в Северных землях, небось, только в лужах после дождя и мылись, али во фьордах соленых полоскались, а настоящего пара-то и не пробовали?

- У нас есть бани, - важно, хотя и с трудом ворочая языком от жара, возразил Харальд. - Но там парятся по-черному. А у вас... у вас тут словно в горниле великого кузнеца Вёлунда³! И пахнет не дымом, а травами. Это... хорошо.

- То-то же, - осклабился Беляй. - Это тебе, друг Харальд, не в вике на палубе драккара спиной к спине греться. Наша баня - это есть дело, удобное богам.

Вся компания дружно закивала головами, соглашаясь со сказанным.

- А расскажи-ка нам, кто ты и откуда, Аудульф, и поведай всем, что за земли такие - Альвхейм? - неожиданно попросил Ратибор друга. - Раз нам предстоит туда отправиться, хотелось бы знать побольше.

Ульфхеднар не стал кочевряжиться, ведь кругом друзья и они имеют право знать все. Он откашлялся, прочистив горло, приосанился, расправил и без того широченные плечи и начал свой рассказ.

- Меня зовут Аудульф-ульфхеднар. Я родился в стране, где скалы цепляются за свинцовое небо, а море вечно голодно и просит жертв. Мой отец по имени Оттар Вестфольдинг был ярлом и родичем самого конунга Гудрёда Охотника. Точнее не его самого, а двоюродным племянником жены конунга Альвхильд, являющейся дочерью Альварика, конунга Альвхейма.

На этой фразе Аудульф замолчал и обвел взглядом присутствующих, чтобы те оценили самое благороднейшее его происхождение.

³ Вёлунд - легендарный кузнец, персонаж германо-скандинавской мифологии.

Все находившиеся в мыльне, особенно те, кто сидел поближе и слышал получше, оценили услышанное по достоинству - у викингов такое родство считалось почетным и очень даже близким.

- Так вот, - продолжил ульфхеднар, насладившись моментом славы. - Мы с отцом из вика как раз возвращались. Мне тринадцать тогда было, мой первый вик. К англам ходили, на трех драккарах, которыми владел отец. Удачно разграбили несколько монастырей, везли домой богатую добычу, но попали на обратном пути в сильнейший шторм. Два драккара забрала в свои сети великанша Ран, потонули они вместе со всей добычей и хускарлами. Наш хирд в одночасье потерял почти двести викингов, две трети от всех наших людей. Сами мы еле выжили. Изможденные, мы прибыли в великой печали домой, в родной фиорд. А там уже хозяйничал ярл Ингвар. Из похода нам сразу в бой вступить пришлось. Но у Ингвара было очень много хирдманов, силы его превосходили наш хирд вчетверо. Они еще и отдохнувшими были и отъевшимися. А мы - совсем обессиленные и оголодавшие, но бились храбро. Хоть и погибли все наши, но с собой половину врагов забрали. Я тоже был изрублен и чудом не погиб. Меня подобрал и почти год выхаживал от ран и наступившего временного безумия старый викинг Горм, живший неподалеку отшельником. Спас он меня. Но за это время конунг и тинг изгнали Ингвара, и тот ушел со своим хирдом в Гардарику. Его всего лишь изгнали, потому что свидетелей преступлений не было, а я страдал тогда от беспамятства. Горм поставил меня на ноги, обучил всему, что знал, взрастил во мне силу и умения ульфхеднара.

Аудульф прервался и глотнул меда, чтобы смочить пересохшее горло. Рассказ давался ему тяжело, ведь воспоминания были грустными.

- Когда Горм умер, - продолжил Аудульф. - Я отправился искать своего кровного врага. Так и оказался в этих землях. Я попал по собственной беспечности в лапы Бруни-хевдинга, и меня выручил и освободил Ратибор. Нашел он меня в одних штанах из волчьей шкуры, а теперь посмотрите - на мне золотые браслеты и шейная гривна, я пью из золотого кубка, у меня посеребренная кольчуга и добрый франкский меч!

Ульфхеднар снова гордо выпятил грудь и потряс руками, показывая массивные украшения из драгоценного металла, которые он не снимал даже в бане. Народ впечатлился.

- Расскажи про Альвхейм! - деликатно напомнил побратиму Беляй.

Аудульф кивнул.

- Альвхеймом, или Альвхеймаром, все викинги называют область между устьями рек Гёта-Эльв и Гломма, что в землях норегов. Считается, что там живут наиболее справедливые, красивые и цивилизованные люди среди всех северных народов, за что нас сравнивают с самими альвами⁴. О нашей стране говорится в многочисленных сагах! - Аудульф рассмеялся и хлопнул себя по лбу. - Да что я говорю, вы же слышали песни скальда Торбьёрна Ветра? Он же пел эти саги! Помните?

- Да, я слышал от Торбьёрна об этих местах, он точно пел саги про них! - подтвердил Сигурд. - На пиру у конунга Хельги это было, а потом еще раз, уже в твоей харчевне! Знатоно он тогда медовухи нажрался, этот скальд, а потом сел в кадушку с селедкой!

Все рассмеялись, вспомнив забавный случай.

Аудульф продолжил:

- Там-то и есть наша, с женой моей Раннвейг, родина, о ней в сагах и поют! Нет на земле места красивее, чем наш фьорд! Летом в него заходят даже киты! До дна во фьорде не достать - его там, как говорят, нету вовсе - царство великанши Ран начинается в тех водах, вот как! Но своих она не трогает, ведь не было ни одного случая, чтобы местный корабль утонул во фьордах Альвхейма. Туда-то мы и отправимся, друзья мои! Но знайте. Я не ишу смерти. Я

⁴ Имеются в виду светлые альвы (лѣсальвы) - в германо-скандинавской мифологии природные духи, прообраз современных эльфов. Связаны с богом плодородия Фрейром, солнцем, светом и красотой.

ищу жизнь - полную, яростную, достойную песни скальда. И в Альвхейм мы поплывем не за серебром, что сверкает на солнце ярче, чем лед в горах, не за доброй тканью для жен и дочерей, а за настоящей славой викинга, что переживет наши тела в веках. Я не просто волк с севера, пришедший за кровью. Я - дитя льда и огня, в чьих жилах течет соленая кровь моря и сладкий дым родного очага, который теперь здесь, в Пальтескье, среди вас, братья мои! И когда мое время придет, и Валькирия спустится с небес, чтобы указать путь в чертоги Одина, я встречу свой конец с мечом в руке. Но часть моего сердца навсегда останется там, в Альвхейме, в суровом краю фьордов, где духи предков танцуют в сполохах северного сияния. Я - Аудульф Оттарссон, и это - правда моей жизни!

Присутствующие замолчали на время, задумавшись каждый об интересной и торжественной речи Аудульфа и, наверное, о своей родине.

Вдруг Ратибор встал во весь рост на полке, возвышаясь над всеми.

- Братья! - зычно крикнул он, перекрывая шипение пара и гул голосов. - Здесь собралась вся сила! Сила Полоцка и сила Севера! Воды наших рек смешались с водой нурманнских фьордов в этом пару! Так давайте же скрепим это!

Воевода схватил веник и со всей дури хлестнул Сергея по спине. Тот взревел раненым туром, но не от боли, а от восторга, вскакивая на ноги и отвечая Ратибору своим веником. Через мгновение началась настоящая вакханалия - друзья, хохоча и уворачиваясь, хлестали друг друга распаренными березовыми ветками, так, что листья летели в разные стороны. Харальд, пытаясь встать, поскользнулся и рухнул обратно на полку, увлекая за собой Гуннара. Аудульф, не переставая напевать, методично охаживал веником Беляя, который прикрывался опорожненным жбаном, словно щитом. И даже князь Олег, глядя на эту развеселую возню, чуть заметно улыбался одними уголками губ.

- А теперь - в прорубь! - снова закричал Ратибор, распахивая дверь в предбанник, откуда потянуло ледяным сквозняком.

Холодный воздух ворвался в мыльню, смешиваясь с паром и превращаясь в густой туман. В этом белом мареве, как древние боги в облаках, стояли они - варяги и нурманны, покрытые потом и красные от жара, готовые с воем и смехом ринуться в ледяную купель, чтобы, пройдя через муку и восторг, стать еще ближе друг к другу. Ибо нет крепче уз, чем те, что закаляются в огне и ледяной воде.

Через некоторое время вся компания вернулась обратно. Густой дух березового листа, распаренного на каленых камнях, снова смешался с терпким запахом пота и нагретого дерева.

Князь Олег разлегся на полке во весь рост, вытянув длинные ноги. Мокрая прядь волос, цвета спелой ржи, прилипла к его высокому лбу, скрывая едва видимый тонкий шрам, полученный им в битве за Полоцк - случайная стрела чиркнула. Глаза его, светлые и цепкие, были сейчас полуприкрыты - он наслаждался жаром, что пробирал до самых костей, выгоняя из тела любую усталость.

Напротив князя, свесив могучие ручки с колен, уселся Ратибор. Кожа на его груди и спине блестела от пота.

- Хорошо, - прогудел он, с шумом выдыхая горячий воздух. - Аж мысли яснее становятся. Давай, конунг, говори, что думаешь о том, как идти нам в Северные земли, пока я тут совсем не размяк и не уснул.

Ярл Храфн, сидевший на нижней лавке, скрестив ноги по-турецки, встрепенулся. Жар, казалось, совсем не брал его. Черные, как смоль, волосы и колючие глаза на узком лице сейчас придавали ему сходство с умной птицей, которую и в самом пекле не проймет. В его руках волшебным образом оказалась береста, на которой углем была нанесена карта - линия морского берега, изгибы рек и условные значки городов, городков и селищ. Сергей сам начертил ее по памяти после своего прибытия в Полоцк, пока воспоминания о пройденном от самой Англии маршруте были свежи в его голове.

- Открывая карту, Ворон, - Олег приподнялся на локте, и взгляд его тотчас стал острым, как лезвие секиры. - Негоже добру пропадать, раз ты так старался, рисовал. Обсуждать будем.

Сергей разгладил бересту на широкой доске, служившей им всем столом, прочистил горло, откашлявшись, и заговорил:

- Стало быть, путь наш, Ратибор, лежит на полуночь, к норегам, - голос у Ворона сейчас был скрипучим, под стать его облику. - В Королевство Альвхейм. Сначала по Западной Двине до острова Эзель, где Магни Стейнссон останется у конунга-тестя погостить, потом вдоль берега на запад. Дойдем до Орхуса, где задержусь уже я, чтобы невесту свою, баронессу ненаглядную, оттуда забрать и сюда, в Полоцк доставить, а вы отдохнете и дальше двинетесь. Дружественных земель и правителей там уже точно не ждите.

- Погоди, Храфн, не так быстро, - усмехнулся Хельги. - Путь далекий и чужой ждет вас всех, поэтому давай по каждому шагу проговорим, по каждому месту для отдыха и ночлега. Водить драккары вслепую, подвергаясь риску, я вам не позволю. Где встанете первой стоянкой?

Теперь взял слово Ратибор и наклонился над картой, упершись руками в край полка, так что половицы под ним скрипнули.

- Верно говорит Храфн, отсюда пойдем на запад, по Даугаве, в Варяжское море. И первое наше опасное место - земли земгалов и селонов. Эти могут ночью на лагерь налететь, я по своему опыту знаю. Однако, нас поначалу много будет, пять или шесть кораблей, вряд ли те рискнут. Народ там хоть и дикий, но не без ума, меру знают. Полтора десятка дренгов из этих племен в моем хирде есть, знаю, о чем говорю. Дальше эсты будут, но нам не к ним, - он ткнул корявым пальцем в карту, чуть не продыравив бересту. - Точнее, не совсем к ним. Нам к конунгу Бернту заглянуть надо, родичу конунга Айварса. Там сделаем первую большую остановку и расторгнемся тем, что с собой прихватим.

Ратибор умолк, поглядев на князя и остальных, чтобы удостовериться в отсутствии вопросов и возражений.

- Пока все складно говоришь, - отозвался Олег, правильно поняв заминку воеводы. - Продолжай!

Ратибор согласно кивнул.

- А вот тут, на выходе из Западной Двины, лежит остров Эзель. Место доброе, высокое. Там нас будет ждать конунг Айварс, хозяин той земли. Магни Отважный, сын ярла Стейна идет как раз до Эзеля.

Юный Магни кивнул, но сам помалкивал. Сначала старшие выскажутся, а уж потом он, если останется, что добавить.

- Да, к тестю своему идет Магни, - кивнул Сигурд на правах отчима юного хевдинга. - Молод парень, но хватка есть. Он и его люди те воды и берега знают, бывали уже там. На Эзеле можно пристать, хорошо отдохнуть, и бочки с водой наполнить, и дух перевести. Оттуда до датских проливов, можно сказать, рукой подать.

- Да, Эзель - место для отдыха и подготовки к дальнейшему пути отличное, и ярл Акке тоже с нами туда пойдет, ведь дом его там. На Эзеле мы все сделаем еще одну остановку, перед проливами отдохнуть желательно, - подал голос Сергей. - Кстати, дальше по побережью есть город один, где у меня с князем местным, Велимиром, приятельские отношения. Город тот Данцигом называют. Тоже хорошее место для отдыха.

- Согласен, - одобрил Олег. - Раз ты там бывал уже, хевдинг, до этого места ты и поведешь ваши драккары. Но имейте в виду, что вот тут, - Хельги провел пальцем по карте от Данцига на запад. - Начинается самое лихо. Земли, где лехиты сейчас все больше хозяйничают. С опаской их проходить надо, мои послухи доносят, что набрались сил, паразиты, наглеют. Ну ничего, это мы вскоре поправим.

Князь в сердцах стукнул кулаком по импровизированному столу, намекая на планируемую им войну с лехитским князем Лешко, воины которого уже давно шалили и на полоцких границах, и полабским славянам Велимира спокойной жизни не давали.

- Ладно, смотрите дальше, - продолжил Олег, успокоившись. - Потом уже начнутся земли данов и свеев. С данами мы все порешаем, друзей среди них предостаточно.

- Нам сначала как раз в Роскилле и нужно, - добавил Ратибор. - Там Беляю отец наследство оставил, с конунгом данов встретимся, о правах заявить следует. Дядька Торир с нами пойдет, обещал помочь решить все там. После этого мимо свеев поплывем.

- А вот свеи - народ гордый, конунги у них в Уппсале сидят, силу копят, - продолжил мысль Олег. - Просто так через их воды не проплывешь.

- И не просто - тоже, - подхватил Ворон. - Проливы узкие. Эресунн, Большой и Малый Бельты. Там, если ветер не тот, или туман, можно и на веслах идти, но тогда мы будем как утки на перелете - со всех сторон берега близко. С данами у нас мир, говоришь? - он испытующе глянул на князя.

- С данами мир, пока мы не суем нос в их дела. А торговля между нами хорошая, братья Дьярви и Гуди Модиссоны постарались, организовали ее на славу, - ответил Олег. - Но не расслабляться там! Мир миром, а драккары у них не хуже наших. И злые глаза у их конунга с ярлами. В проливах вас могут и пощупать. Мол, кто такие, откуда, много ли серебра везете?

- В Орхусе я вас оставлю, дальше сами пойдете. И там главное - не зевать, - вставил Сергей, глядя на Ратибора и братьев-ульфхеднаров. - Если ветер попутный, идти нужно под парусом, быстро, не останавливаясь. Свеи любят нападать из засад, из-за мысков. Особенно там, где берег скалистый, фьорды начинаются. Выйдете из проливов, пойдете вдоль берега свеев. Скучно там, тоскливо - скалы голые, сосны кривые. Но с другой стороны - открытое море. Если что, уйдете в него, там вас свеи не догонят на своих драккарах.

- У свеев драккары легкие, - заметил молчавший до этого Гуннар. - Но в шторм им поэтому худо. А нашим драконам шторм нипочем, ежели кормчие с головой дружат.

Олег слушал друзей, хмурия брови. Банный жар, казалось, сковывал мысли, но на самом деле заставлял работать их четче. Он видел этот путь, будто сам плыл над картой.

- Вы, други, про свеев говорите, да про данов, а я вот что думаю. Самая большая трудность - не свеи и не даны, - князь помолчал. - Трудность - это туман. Выйдете из проливов, возьмете курс на норвегский берег. Там море открытое, но коварное. Вода холодная, туманы падают внезапно, стеной. Можно пройти мимо Альвхейма, проскочить на север, к диким саамам, где одни скалы да ледники. Или, хуже того, наткнуться в тумане на рифы. Берег там, сказывают, зубастый, как пасть матерого волка.

- Верно, - Аудульф почесал мокрую бороду. - Норвегский берег - он как наковальня. А море - молот. В туман надо либо ложиться в дрейф и ждать, либо идти наудачу, но удача - баба капризная, больше раза не дает.

- Нам бы проводника, - сказал Ратибор. - Человека, который те воды как свои пять пальцев знает. Где подводный камень, где течение, где можно укрыться от непогоды.

- Есть у нас проводник, - усмехнулся Беляй. - Дядька Торир те северные воды хорошо знает. Да и Аудульф сам из тех мест.

Ульфхеднар кивнул, подтверждая слова побратима.

- Вы в Висбю еще зайдете, - подал идею Сигурд, подняв вверх указательный палец, показывая этим жестом, что идея отличная. - Там возьмете в проводники старого морского волка, Грима Скугги, он все воды норвегские вдоль и поперек исходил. Бывал везде там - и в виках, и с торговлей, потом ушел к ярлу Стейну, отцу Магни. Сейчас живет на Готланде. Хоть характер у него и скверный, но Грим проведет вас так, что ни один камень борта не поцарапает.

- А не откажет старик? - с сомнением спросил Гуннар. - Он давно от дел отошел...

Все посмотрели на Магни.

- По моей просьбе не откажет, я слова правильные знаю, - важно ответил парень, светясь от счастья, что старшие дали и ему слово. - Он отца моего любил и уважал, как и весь род мой, да меня успел воинскому делу поучить немного. Слова те я тебе, Ратибор, сообщу, и чтобы Грим поверил окончательно, дам тебе амулет отцовский в виде молота Тора. Его Грим сам отцу подарил, узнает точно.

- Тогда и толковать не о чем, - Ратибор хлопнул ладонью по лавке. - Идем на Эзель, в Висбю берем с собой кормчего Грима Скугги, потом Данциг. Если лехиты сунутся, мы им покажем «красного петуха» и на воде, и на берегу, чтобы неповадно было. Затем Роскилле - решаем дело Белая. В Орхусе остается Храфн, а мы идем дальше. Потом проливы. С данами договоримся, я думаю, наверняка. Со свеями тоже постараемся. А как выйдем в норегские воды, отдадим руль Гриму. Пусть ведет.

- Погоди, воевода, - остановил его Олег. - Ты про свеев больно легко говоришь. А если не договоритесь, и они не просто сунутся, а с умом - перекроют пролив? Соберут флот в узости, натянут цепи между берегами, как делают ромеи в Миклагарде? Вас же там, как сельдей в бочке, перебьют стрелами с берегов.

Повисла тишина, нарушаемая лишь шипением пара, испаряющегося с камней. Все замерли в задумчивости, силясь придумать, как решить такую вероятную проблему.

Олег медленно провел рукой по лицу, сгоняя пот.

- Значит, так, - голос его зазвучал тихо, но в этой тишине он был слышен каждому. - Идите не всем скопом. Пустите вперед быстроходную, легкую снечку, под видом купца-одиночки. Она пойдет, высматривая, нет ли засады. А вы двинете следом, на приличном расстоянии. Если снечка вернется или подаст знак об опасности - уходите назад, к Орхусу. Если нет - идите дальше.

Ратибор с Аудульфом и Беляем одобрительно крякнули. Сергей согласно кивнул, его черные глаза блеснули в полумраке. Магни, как самый молодой, почтительно помалкивал, но на его лице легко читался неопишуемый восторг от предвкушения планируемого приключения, хотя он сам почти не будет в нем участвовать.

- Добро, - подвел черту князь Олег. - Значит, путь начертан. Эзель, Данциг, Роскилле, Висбю на Готланде, проливы с данами и свеями, а там, за туманами, - Альвхейм. Совсем детально проговорим весь путь чуть позже. А теперь, братья, давайте-ка отхлещем друг друга вениками так, чтобы кровь заиграла, а после - в сени, по медку вдарим, да опять в студеную водицу Западной Двины! Рассудительный разговор холодной головы требует.

Друзья рассмеялись, и вскоре баня снова наполнилась сочным, хлестким шлепаньем и довольным кряхтением, от которого, казалось, вздрагивали прокопченные стены.

Глава 3.

На высоком берегу Западной Двины, прямо напротив поросшего ольхой и сосной острова, возвышалось над рекой небольшое поселение. Далеко не город и даже не крепость - так, сельцо сторожевого порубежья, обнесенное ветхим частоколом с парой низеньких сторожевых башенок, что звалось в народе просто Дисненским берегом.

Начальствовал здесь сотник Мировид - человек средних лет, но уже с густой проседью в широкой бороде и тяжелыми натруженными руками, помнившими еще походы князя Всеслава на ятвягов. Сотником его звали не просто так, а потому, что именно сотником он и был - на службе у Полоцка. В дружине у него сейчас числилось шестьдесят восемь отроков и полтора десятка гридней, правда, не из самых лучших. Раньше-то, при Драгомире, у него вообще только три десятка имелось, и те, в основном, немолодые ветераны. И службу они несли так себе - кто с удочкой у воды сидел, кто сети чинил, а кто и овцу за околицей пас. Однако, с приходом к власти княгини Ингигерды и князя Олега, отряд сотника усилился гриднями в самом расцвете

сил и толковой молодежью. Олег прекрасно понимал, что Дисненский берег является главным форпостом Полоцка на западе, поэтому не поскупился и на людей, и на воинскую сброю, и на припасы. Зоркий глаз Мировид и до того старался держать, а теперь меч его уж совсем не бездействовал, отгоняя время от времени всяких разбойников и, самое главное, все больше наглеющих лехитов, хулиганивших на границе все чаще и чаще.

Поселение стояло на мысу, где речной поток огибал берег крутой дугой. С напольной стороны его прикрывал невысокий вал, поросший кустарником, да частокол из сосновых кольев, местами уже подгнивший и покосившийся. На валу, у самой калитки, возвышались две срубные башенки-вежи в три локтя, с пряслами, из которых дозорные могли разглядеть, не идет ли по Двине ладья чужая. Башенки эту в шутку называли «орлиными гнездами», хотя орлы там никогда не вили гнезд, а сторожа менялись каждый день, поглядывая с тоской на поворот реки.

Внутри ограды теснилось с десятков изб, крытых дранкой, дерном или берестой, да дымились почерневшая от копоти кузница - тут местный кузнец Твердила правил сошники да ковал подковы, изредка, по великому празднику, вспоминая воинское ремесло и подваривая наколенники стрел. Рядом стояла маленькая клеть для жита и сушеной рыбы - запаса на зиму, да два-три амбара, где торговый люд, что приходил с низовьев, держал свой товар. Был еще небольшой кабачок, где наливали пиво с медовухой и подавали строганую редьку на закуску.

Торжище у берега было таким малым, что и торжищем-то назвать его можно было лишь с натяжкой. Просто песчаная полоса, где волны Западной Двины лизали днища причаленных ладей, кнорров и драккаров, а на берегу лежали вороха выделанных шкур, кучи воска в берестяных коробах да глиняные горшки с медом. Торг здесь шел тихий, неспешный. Проплывет ладья с кривичами из Полоцка - обменяют гребцы на рыбу да меха горшок соли или кусок полотна. Иногда поднимались с низовьев и купцы из дальних земель, скупые на слово, но щедрые на серебро. Тогда сотник Мировид выходил к ним с тремя ближними гриднями, строго смотрел, чтобы чужие не прошли дальше, не спросясь, и брал с каждой ладьи малое мыто - речную пошлину, что клалась в княжью казну.

Сам сотник жил в избе, срубленной из толстых сосновых бревен, неказистой снаружи, но крепкой и просторной. У крыльца всегда была приставлена рогатина да висел медный колокол - бить тревогу, если узрит дозорный на реке воровскую флотилию.

Про наказ старого полоцкого князя Всеслава, что велел здешнему воеводе «беречь берег и очи иметь на острове, что напротив крепостицы» все давно забыли. Почти забыл про то и Мировид, лишь изредка вспоминая, что неплохо бы поставить там, на острове, хоть малую сторожку, хоть засеку - тогда бы и Двина была под присмотром с обеих сторон. Но кто даст людей, кто даст лес на строительство, кто выделит средства на это?

А остров напротив, пустынный и дикий, поросший ольшаником и корявым сосняком, все так же глядел на поселение черными глазницами своих оврагов. По ночам там были филины, а в половодье вода заливала низкие места, и остров казался отрезанным от всего света.

Так и тянулась сторожевая жизнь на Дисненском берегу - небогатая, но привычная. Сотник Мировид просыпался с петухами, обходил свои владения, проверял караульных, потом спускался к воде, где ребятишки уже таскали из сетей плотву, а бабы развешивали на кольях мокрые рубахи. Торжище жило своим чередом - прохожий люд менял товар, кузнец Твердила звенел молотом, а из ближнего леса доносился стук топора - кто-то из мужиков рубил новую колоду для улья.

Никто из жителей не ведал еще, что скоро все переменится, и к берегу пристанут большие князья драккары, и на пустынный остров ступит молодой воевода Варяжко с плотниками и гриднями, и начнется здесь великое строительство. А пока что поселение жило своей суровой, беспокойной пограничной жизнью, и сотник Мировид, опершись на рогатину, смотрел, как солнце садится за дальний лес, отражаясь в медленной двинской воде багряной полосой. Остров напротив темнел, и только редкий крик цапли нарушал вечернюю тишину.

Хотя весна в Полоцке и началась, но Двина пока еще стояла, скованная льдом. Он уже потемнел, набух и все с нетерпением ждали, когда же начнется ледоход. С крыш повсюду текло, по тесовым кровлям барабанила ледяная капель.

В один такой особенно промозглый вечер князь Олег вызвал для важного разговора своих самых близких друзей - воеводу Ратибора и ярла Храфна. Они собрались в дальней горнице терема, комнате без окон, вход в которую был скрыт в стене медвежьей шкурой. Здесь, в тепле и тишине, можно было говорить без лишних ушей.

Олег усадил друзей за дубовый стол, опустился рядом, откинулся на резную спинку кресла и с наслаждением потянулся.

Перед каждым стояла уже наполненная темным пивом глиняная кружка, а посередине - большое блюдо с вареными раками. Раки были багровыми, с укропом⁵, и от них шел такой дух, что слюнки текли сами собой.

- Ну, - Ратибор отхлебнул пива и вытер усы. - Собрал ты нас тайно, раками моими любимыми балуешь. Что стряслось?

Олег хмыкнул, ловко отломил рачью клешню и принялся высасывать мясо.

- А то ты не догадываешься, воевода. Непокойно вокруг. Потому и позвал. Государственный разговор, понимаешь.

- Через пару недель, считай, нам в Альвхейм уходить, - напомнил Сергей. - Мы с Ратибором давно этот поход готовили. Ты же сам одобрил, Олег. Если что срочное - говори сейчас.

- Успеете в свой Альвхейм, лед еще на реке, - отмахнулся князь. - Никто его и не отменяет. Другое дело есть. Тут у нас, господа хорошие, смоленская головоломка назревает.

- Что не так со Смоленском? - удивился Ратибор. - С Мстиславом же у нас мир вроде был. Я там, между прочим, подворье имею - князь мне сам подарил его, за услугу одну, политического характера. Хороший мужик Мстислав, хоть и...

- Хоть и толстый, - закончил Олег с усмешкой. - То, что он любитель пожрать, я в курсе. Со смоленским князем у нас отношения отменные, правда это. Проблема не в нем, а в том, что он, по моим данным, полученным из достоверных источников, совсем плох стал.

- Мстислав? - переспросил Сергей, отрываясь от вареного рака. - Да он же еще не старый!

- Не старый, - согласился Олег. - Но толстый. Очень толстый. И жрет с утра до ночи. Купцы рассказывают: встанет, сразу - жареного поросенка, потом - лебедушку под хреном, потом - уху из стерляди, а на сон грядущий - медовые пряники с творогом. И так каждый день. Вот сердце и не выдержало. Лежит теперь, дышит тяжело. Говорят, скоро конец.

Ратибор нахмурился. Кажется, переборщил он с рецептом майонеза, что Мстиславу когда-то рассказал.

- А наследники? У него ж... А сколько их, кстати?

- Трое, - начал загибать пальцы Олег, перечисляя. - Старший - Ярополк. Средний - Святослав. И младший - Ростислав. Вот тут-то и зарыта собака. По сведениям моих лазутчиков, старшие братья меж собой, как кошка с этой самой собакой. Не любят они друг друга. Ярополк - крутой, властный, себе на уме. Святослав - упертый, как баран, недалекий и обидчивый. Как только отец дух испустит, начнут делить престол. И неизвестно, чем кончится.

- А Ростислав? - спросил Сергей.

- Ростислав - парень молодой, восемнадцать лет. Он был у нас на свадьбе с Ингигердой. Помните того длинного, конопатого, который на пиру наклюкался и полез драться с боярином Путатой? Так вот это он.

- А, - кивнул Сергей. - Вспомнил. Ты его потом в баню отвел, говорили долго о чем-то.

⁵ По некоторым источникам, на Руси укроп появился благодаря кочевникам в виде семян в V-VI веках.

- О деле и говорили, - кивнул Олег. - Парень оказался башковитым. И главное - с ним мы договориться можем. Он понимает, что с Полоцком дружить выгоднее, чем глотки рвать. А вот его старшие... Если они сядут - начнут свою политику гнуть. А нам это надо?

- Допустим, не надо, - Ратибор отложил недоеденного рака. - Но что ты предлагаешь? Затевать войну со Смоленском сейчас - самоубийство.

- Вот именно, - подтвердил Олег. - Ты, воевода, в точку попал. Затевать войну не хочется. Во-первых, Мстислав наш друг, негоже на его землю после смерти наезжать, а во-вторых, у нас и без того забот полон рот.

- Лехиты? - догадался Сергей.

- Они самые. Их князь Лешко давно точит зуб на Полоцк, особенно после смерти Драгомира, чтоб ему пусто было на том свете. Мои лазутчики докладывают, что он все нашу границу щупает - то малый отряд за реку пошлет, то купцов наших прижмет. Проверяет, насколько мы крепки. Если мы сейчас еще и со Смоленском свяжемся - он сразу ударит. Потому что умный, гад!

Олег в сердцах стукнул кружкой по столу.

- Нам нужен мир на смоленском направлении, надежный, как кирпичная стена. А лучший способ его получить - это посадить в Смоленске своего человека.

- Ага, Ростислава, - понимающе кивнул Ратибор.

- Именно. Но есть одна загвоздка - он младший. Шансы, что после отца посадят его, совсем невелики. Скорее всего, князем станет Ярополк. Или они со Святославом начнут драку, а потом кто-то один победит. В любом случае, Ростислав окажется в стороне.

- А если помочь ему оказаться поближе? - подал голос Сергей. - Продвинуть в очереди, так сказать. Ну, знаешь, естественным образом убрать конкурентов, - он зевнул и почесал затылок. - Не самим, конечно. Найти кого-нибудь... тихого.

Олег и Ратибор переглянулись. Князь медленно обвел пальцем край кружки, потом усмехнулся.

- А знаешь, Сергей, это - мысль, и неглупая. И у меня даже есть человек для такого дела.

- Кто? - спросили оба друга одновременно.

- Ромей Афанасий. Помните его?

- Это тот, который тебя и Ингигерду пытался извести не так давно? - присвистнул Ратибор.

- Тот самый. А потом ты его взял и ко мне отвез. Я его не казнил - он покаялся и согласился служить. Знаете, почему? Потому что он - профессионал. Все делает грамотно, тихо, чисто, без лишнего шума. Он уже не раз мне услуги полезные оказывал, - Олег понизил голос. - Афанасия можно послать в Смоленск. Если кто из старших братьев окажется совсем неуправляемым... ну, случится с ним какая-нибудь болезнь. Или несчастный случай. А Ростислав останется, и мы его поддержим.

- А если оба старших сгинут? - спросил Сергей с деловитым интересом.

- Не жадничай. Одного достаточно. Если убрать Ярополка, то Святослав с Ростиславом начнут тягаться. Ростислав младше, его бояре с воеводами не посадят. А если убрать Святослава - Ярополк сядет без борьбы и будет править. Тоже не вариант. Надо смотреть по обстановке.

Олег помолчал немного.

- Но идею я запомнил. Афанасий сейчас в Киеве, я его туда заслал на разведку. Подождем, посмотрим, что дальше будет. Возможно, обойдемся и без радикальных решений.

- А что в Киеве? - оживился Ратибор. - Ты же давно поглядываешь на юг.

Олег откинулся на спинку кресла, взял нового рака и принялся неторопливо его разделывать.

- А вот сейчас, друзья, я вам открою карты. После того, как мы решим вопрос со Смоленском, а мы его решим, так или иначе, у меня есть планы на Киев. И планы эти вполне конкретные, потому что Киев - это ключ. Главный ключ на всем пути из варяг в греки. Мимо него ни одна ладья не пройдет.

- Там же княжит Дир, кажется, - заметил Сергей. - Или кто? В летописях потомки так напишут, но там столько путаницы...

- Дир, - кивнул Олег. - А вот интересно: где Аскольд? Вроде они вдвоем правили, по тем же летописцам, а тут - один Дир. Может, летописцы наврали? Никто про Аскольда ничего не знает. Может - был, да ушел куда? Или позже появится?

Князь пожал плечами, вздохнул, снова задумался.

- Нам сейчас не до разгадывания исторических загадок. Нам Киев нужен - самый лакомый кусок на Днепре. Если мы возьмем Смоленск под контроль, то это лишь полдела. А вот если еще и Киев... - Олег хрустнул рачьей клешней. - Тогда все Поднепровье будет в нашем кулаке, и лехитам вовсе не до шуток станет.

- Дык, - осторожно сказал Ратибор. - Киев силой брать? Дружины там, поди, немерено.

- Силой - это в последнюю очередь. Пока что мы будем наращивать хирд-дружину, копить союзников, торговать. А там, глядишь, какой-нибудь боярин за золото откроет ворота. Или князь сам предложит союз. Мы не спешим, мы умно действуем. Тем более, что дело это на далекую перспективу мной задумывается, - Олег поднял кружку. - Но сперва - Смоленск. Без него все разговоры о Киеве - дело пустое.

Посидели еще с полчаса, попили пива, доели почти всех раков. Говорили о том, о сем: об оружии, о лошадях, о том, где лучше весной ловить рыбу. Но в каждом слове сквозила мысль о Смоленске, о том, что решается там сейчас, в тереме больного обжоры Мстислава.

- Олег, - вдруг спросил Ратибор, вытирая перепачканные пальцы о полотенце. - Ты про лехитов сказал, что они границу щупают. А сам что делать с этим думаешь? Мы уходим в Альвхейм, ты остаешься. Что планируешь?

Князь допил остатки пива, поставил кружку и посмотрел на друга тяжеловатым, но спокойным взглядом.

- А у меня уже есть план. И план этот - если не хитрый, то надежный, как старый топор. Слушайте сюда.

Он пододвинул к себе остывшего рака, для порядка отломил ему клешню и начал:

- Ты, Ратибор, знаешь сотника Мировида. Старый вояка, с седой бородащей, но глаз - орлиный. Он сейчас сидит в сельце на берегу Западной Двины, у самого устья речки Дисны. Место там ключевое - и для торговли, и для обороны. Лехиты, если надумают лезть, пойдут или через Двину, или по Дисне в обход. А там - остров. Небольшой, но удобный.

- Знаю такое место, - кивнул Ратибор. - Проходили его, приметный такой остров. Берега крутые, с воды не подступишься.

- Вот именно. И я хочу там поставить крепость. Небольшую, рубленую, с частоколом и парой башенок. Для начала хватит, а дальше - как Бог даст. Или Боги - это уж кому как нравится. Задача у крепости двойная. Первое - заслон от лехитских набегов. Увидят дозорные ладьи или конный отряд - сразу зажигают сигнальный костер, гонцов в Полоцк шлют. Второе - таможенный пост. Все ладьи, что идут вверх по Двине и обратно, будут мимо этого острова проходить. Купцы заплатят пошлину - товар цел и обиды нет, а не заплатят - добро пожаловать на дно.

- И кого туда ставить? - спросил Сергей, уже предвкушая интересное. - Место стратегическое и денежное - реально честный и верный нужен. Есть такой?

- А вот тут, Серёга, самое важное. Пошлю я туда молодого воеводу Варяжко Доброговича. Ты его помнишь? Племянник моего синеусого побратима Доброги, что Гостомыслу служит. Парень горячий, но сообразительный, на рожон не полезет. Пусть Мировида под себя

советником поставит, опыта у него наберется. Дам ему полсотни молодых дружинников - из тех, кто уже обтерся в малых стычках, но большой войны не нюхал.

- Так он же вроде у Гостомысла в Пограничном службу несет? - удивился Ратибор. - Отпустит его молодой князь?

- Уже отпустил. Мы с ним на свадьбе договорились. Я ему за это пару деревенок данников подарил из новгородских весян. Решили, так сказать, вопрос полюбовно.

- Не рановато Варяжке самостоятельно работать? - усомнился Ратибор.

- Самое время. В Пограничном опыт он уже получил, - отрезал Олег. - Мне нужны новые воеводы, а не одни мы с вами до самых седых волос. Варяжко смысленый, ладит с людьми, и лехитов не боится. А бояться их и не надо, надо их зубы об эту крепость обломать. Если получится - потом на том месте городок отстроим, с двух берегов. Торговый, крепкий. И граница на замке.

- А Мировид Варяжко не подомнет авторитетом? - спросил Сергей.

- Старый Мировид только рад будет помочь. Ему одному в сельце скучно. Наставит моего племянника на ум, научит, где дозоры ставить, как весла сушить, как уху варить с душой. А если лехиты сунутся - вдвоем им веселее отбиваться будет.

Ратибор покачал головой, усмехнулся.

- Ну ты и кузница кадров, княже. Смоленск, Киев, крепость на Дисне... Небось, уже и чертежи на бересте нацарапал?

- А то! - Олег хлопнул ладонью по столу. - Людей за Варяжко отправлю, чтобы быстрее сюда ехал. Отправлю его, как лед сойдет, после вас. Пусть к Мировиду поторопится, и сразу за работу. Рубить лес, ставить срубы, копать ров. К лету все будет готово, надеюсь.

- А Лешко? - не унимался Ратибор.

- А Лешко пусть знает: Полоцк не лыком шит. Если ему нейдет, пускай только сунется на остров. Там его встретят горячими стрелами и холодным пивом. Пива, правда, пока нет, но это дело наживное, - князь подмигнул друзьям. - Главное - не дать ему прорваться к Полоцку, пока вы из Альвхейма не вернетесь, иначе мне одному тяжело будет. А уж когда вернетесь - мы ему устроим веселый разговор.

Ратибор хмыкнул, взял очередного рака, задумчиво покрутил в пальцах.

- Ты, кстати, не хмыкай, - усмехнулся Олег. - Ты мне как-то раз про Витебск рассказывал что-то подобное - так готовь план и людей для стройки города. Серебро нужно - дам. Перед отплытием мне представишь, что надумал.

Ратибор медленно кивнул в ответ.

- Значит, так, братцы, - подытожил Сергей, заграбастав последнего рака с блюда. - Варяжко на Дисну, мы с Ратибором в Альвхейм, ты, Олег, тут орудуешь, смоленскую кашу расхлебываешь. И где нам, спрашивается, раков для души брать?

- А раков, - Олег улыбнулся, широко и чуть хищно. - Раков будем своих воспитывать, в собственном коллективе. И смоленских тоже. И лехитских, когда до них доберемся. Главное - не упустить момент. А момент, мужики, сейчас самый важный. Весна на дворе, лед вот-вот тронется, и вместе с ним начнется большая вода. И большая политика.

Он встал, прошелся по горнице, хрустнул шеей.

- Вы идите, начинайте готовиться к походу. А я сегодня же отправлю за Варяжко, пускай в Полоцк возвращается. Там, на Дисне, наша передовая и его новое место работы. Если крепость встанет, то лехиты надолго успокоятся, а нам только того и надо.

Простились по-дружески, обнявшись и хлопнув друг друга по плечам.

Ратибор с Сергеем ушли готовить дружины к дальнему походу, а Олег остался один в секретной комнате. Посидел, подумал, потом достал из-за пазухи небольшую берестяную грамоту - донесение от Афанасия, что тот еще неделю назад прислал из Киева.

В грамоте было начертано всего несколько строк: «Князь Дир в порядке. Аскольда нет. Спрашивал у купцов - никто не помнит. Готов к поручениям».

- Аскольд, Аскольд... - пробормотал Олег, свернул бересту и сунул обратно за пазуху. - То ли летописцы наврали, то ли время другое. Ладно, разберемся.

Он задул лишние светильники, оставив только один, и вышел из тайной комнаты в княжеские покои. За стенами терема все так же капало и хлюпало - начиналась весенняя распутица. Воеводам скоро в поход, молодому Варяжко - на Дисну, строить крепость на острове, а князю - решать судьбу Смоленска.

И раков, конечно.

И Киева.

И всего пути из варяг в греки.

Глава 4.

Весна в Полоцке в этот год выдалась ранняя. Едва вскрылась Двина, едва лед тронулся и поплыл на запад, в сторону моря, белыми полями, как на княжьем подворье закипела работа, какой никогда еще в Полоцке не видывали.

Сам князь Олег с раннего утра стоял на берегу, куда выкатили на катках из корабельных сараев драккары и снежки после зимней спячки, и смотрел, как его люди готовятся к дальнему походу. Поход задумывался нешуточный - помимо посещения ливов, эстов и данов, путь лежал на дальний север норегской земли, в Альвхейм, куда не всякий отважился сунуться. Земли там суровые, фьорды глубокие, скалы острые, как ножи, а народ - нореги - крепкий и неуступчивый. Но у воеводы Ратибора и его ульфхеднаров-побратимов Аудульфа и Белая были там дела, которые не терпели отлагательств. Ярл Храфн собирался идти вместе с ними до Орхуса, чтобы забрать оттуда свою невесту, а хевдинг Магни дойдет с Ратибором до Эзеля, где останется погостить у тестя. Но это - если коротко, а ведь получится может и совсем по-другому. Никому не ведомо, что произойдет по дороге и куда придется неожиданно свернуть.

- Ну что, как идет подготовка? - спросил Олег, когда Ратибор подошел к нему, отряхивая руки от стружек и смолы.

- Готовимся, княже, - ответил Ратибор. - Драккары мои почти просмолены, паруса проверены, весла перебраны. Храфн свои корабли тоже ладит. Магни еще возится, но у него людей маловато, мы ему поможем.

- Поможете, - кивнул Хельги. - Я тоже ярлов кликнул. Они дадут людей для работ. Акке также подсобим, ему с вами идти до дома, он дорогу до своего острова покажет, а дальше - ваша воля.

Ярл Акке, грозный воин с лицом, изрезанным шрамами, стоял неподалеку, прислонившись к сосне, и молча наблюдал за суетой. Ему предстояло идти с отрядом до самого Эзеля, чтобы вернуться к своему конунгу Айварсу, который, наверное, заждался боевого помощника. Акке был из тех людей, которые не любят суеты и пустых слов, но дело свое знают твердо.

- Акке, - окликнул его Хельги. - Как корабль?

- Готов, конунг, - коротко ответил ярл. - Смола высохла, парус новый поставили. Провизии взяли на два месяца, чтобы запас был.

- Два - это хорошо, - кивнул Хельги. - А там, дальше, видно будет. Может, у конунга Бернта пополните, при необходимости.

Ярл согласно кивнул в ответ. Бернт - родич Айварса по жене, не откажет ни в чем.

Подготовка к походу шла уже вторую седмицу. Драккары и снежки вытащили на берег, поставили на деревянные подпорки, чтобы днища были открыты солнцу и ветру. Полоцкие смольщики - старые, опытные смерды, чьи руки были черными от смолы и дегтя, ползали

под киями, заделывая каждую щель, каждую трещинку, каждое место, где вода могла найти лазейку.

Работали с утра до ночи. Сначала очищали днище от старой смолы скребками и ножами, сдирали присохшие водоросли и ракушки, которые успели прирасти за прошлые походы. Потом, когда дерево обнажалось, его прогревали на солнце, чтобы поры открылись, и только тогда принимались за смоление. Смолу варили в больших котлах прямо на берегу - густую, черную, с резким запахом, от которого першило в горле. Наносили ее широкими кистями из мочала, втирали в доски, загоняли в пазы, чтобы ни одна капля воды не просочилась внутрь.

- Хороший корабль, - сказал как-то Акке, проходя мимо драккара Ратибора. - Длинный, узкий. На таком ходу далеко уйдешь. Кажется, он раньше принадлежал ярлу Граму из Висбю?

- Да, мы этот драккар выменяли на две снечки у этого ярла. А снечки те до того с боем взяли, - ответил Ратибор, не скрывая гордости. - За первую целый хирд одного жадного ярла пришлось положить. Но бой был честным.

- Знаю, - кивнул Акке. - Я про тот бой слышал от твоих хускарлов. И того свейского ярла знал когда-то лично. Он, и правда, жаден был без меры, хоть воин и достойный.

- Да, Трюгви Волосатый умело дрался, но я его пересилил, - покивал согласно Ратибор. - А драккар нам достался хороший. Корпус дубовый, не сосна. Такое дерево и стрела не пробьет.

Воевода довольно похлопал борт своего драккара.

- Ярл Грам хорошо следил за драккаром, - Акке помолчал немного, а потом продолжил. - Ты слышал, что случилось с ним и его сыновьями?

- Нет, не слышал. В Висбю мы больше не ходили. Что с ними произошло?

- Ярл подарил твои снечки сыновьям, а потом взял, да и умер. А сыночки его принялись делить наследство, да так увлеклись, что переругались вдрызг и сошлись как-то раз в море, где и передрались так, что поубивали друг друга, да снечки те утопили вместе со всеми хирдманами.

- Глупо как... - поразился Ратибор. - Не должно быть такого соперничества между родичами!

- Да уж. Но эти сыночки при жизни умом и любовью друг к другу не отличались, так что неудивительно. Пока был жив ярл Грам, он не позволял им драться...

- Ладно, чего уж теперь об этом! Люди сами выбирают судьбу. Идем дальше корабли готовить, ярл!

- И то правда, воевода! Идем, время не ждет.

Работа закипела с новой силой. Паруса тоже проверяли с особым тщанием. Их вынесли из амбаров, где они лежали всю зиму, расстелили на берегу и принялись осматривать каждый шов, каждую нить. Старая ткань, пропитанная жиром и краской, была крепка, но в некоторых местах протерлась до дыр. Такие места вырезали и ставили заплаты - грубо, но надежно. Потом паруса снова пропитывали жиром, чтобы не намокали и не тяжели в воде, и оставляли сушиться на солнце.

Весла перебирали отдельно. Каждое весло, длинное, гибкое, выструганное из ясеня, проверяли на прочность, гнули, простукивали. Если где-то появлялась трещина - выбрасывали без жалости, ставили новое. Лопасты обивали железными полосами, чтобы не расщеплялись во время гребли и не разбивались о камни. Для каждого гребца подбирали весло по руке, чтобы не слишком тяжелое и не слишком легкое, потому что на длинных переходах каждый лишний вес сказывался на руках, плечах и спине, а, в итоге, и на скорости.

Ратибор выбрал для своего драккара белый цвет - цвет крыльев кречета, чье имя носил. Сергей - черный, под стать своему прозвищу Храфн, или Ворон. Магни, посоветовавшись с Акке, выбрал синий - цвет морской волны и неба над фьордами. В выбранные цвета покрасили паруса и носы кораблей.

Пока корабельщики возились с драккарами, другие люди готовили припасы. Дело это было не менее важное, чем смола и паруса, потому что идти предстояло далеко, а кормить в походе требовалось почти две сотни человек.

Запасы собирали со всей округи. Князь Олег не скупился - велел открыть амбары и выдавать для похода все, что потребуется.

Мука была главной пищей. Ржаная, грубого помола, тяжелая, с отрубями - она долго не портилась и давала сытость даже в небольших количествах. Ее ссыпали в большие кожаные мешки, по два пуда в каждый, зашивали и просмаливали, чтобы вода не пробралась. Таких мешков набралось больше пятидесяти - по десятку на корабль.

Солонина - мясо, засоленное в бочках с крепким рассолом, - лежала в дубовых бочонках, каждый по полпуда. Свинина, говядина, оленина - все, что удалось найти в княжеских закромах и купить у торговцев. Бочонки заливались сверху жиром, чтобы мясо не портилось даже в жару, и заколачивались наглухо.

Вяленая рыба была особым лакомством. Судак, щука, сиг, а к концу подготовки и треска, которую привезли купцы с севера, - все это сушили на солнце, нанизав на прутья, потом связывали в пучки и укладывали в короба из бересты. Несколько больших связок на каждый корабль - хватит на всю дорогу, если беречь.

Масло топленое, коровье и льняное, хранилось в глиняных горшках, залитых сверху воском. Горшки упаковывали в солому и ставили на самое дно кораблей, где меньше всего трясло. Масло было нужно и для еды, и для пропитки кожаного снаряжения, и для ран, если что.

Сыр и творог везли в берестяных туесах, залитых сывороткой. Творог пресный, сухой, долго не портился, а сыр - твердый, соленый, рассыпчатый - такой, что его можно было грызть неделями.

Квашеная капуста и соленые грибы - в дубовых кадках, залитых рассолом. Кадки небольшие, но тяжелые - вода и соль давали свой вес.

Репа, брюква, морковь - сушеные, нарезанные тонкими ломтями, в полотняных мешках. Овощи в воде разваривались до мягкости, давали сытость и тепло.

Лук и чеснок - связками, подвешенными под палубу, чтобы не гнили. Лук был и приправой, и лекарством - от простуды, от цинги, от нечистой силы, как шутили воины.

Мед для праздников и для ран, а пиво для каждодневного питья везли в бочонках. Вода в дороге могла испортиться, а пиво стояло месяцами, не теряя вкуса.

Оружие готовили с той же тщательностью, что и припасы. Дорогие мечи правили, перетачивали и перековывали по необходимости у кузнеца Ратибора, того самого, что привезли когда-то из Смоленска, опытного и умелого мастера с руками, покрытыми шрамами от окалины. Каждый клинок правили, проверяли, не осталось ли зазубрин, не раскрошилась ли сталь у рукояти. Ножны, сделанные из кожи и дерева, обтягивали заново, обновляли мех внутри, чтобы меч не выпадал при резких движениях и не гремел в тишине.

Топоры - любимое оружие многих хирдманов - перевешивали на новые топорщица. Ясень, береза, рябина - каждый выбирал дерево по руке. Топорщица остругивали так, чтобы ладонь ложилась плотно, без зазоров, а некоторые обтягивали кожей, чтобы в бою оружие не выскользнуло от пота или крови.

Копья-сулицы с полутораметровыми древками, с узкими наконечниками, способными пробить кольчугу, связывали в пучки по пять штук и укладывали вдоль бортов. Древки из ясеня, наконечники из местной, полоцкой стали, которую кузнец выковывал сам, складывая полосы в несколько слоев.

Копья же были оружием индивидуальным, не менее любимым и дорогим, чем, например, мечи. Длинные, из отборной древесины, идеальной формы и баланса древки, наконечники штучной работы, украшенные узорами и рунами, четко под руку владельца. Каждое копьё подписано или как-то помечено уникальной меткой, чтобы в бою не перепутать.

Скрамасаксы - длинные ножи, которые носили на поясе многие воины, используя и как вспомогательное оружие, и как бытовой или столовый прибор, перетачивали тоже. Ими можно было и мяса порезать, и драться в тесноте, когда для меча не хватало места. Их точили до бритвенной остроты, чтобы одним ударом рассечь толстую кожу доспеха или пробить даже шлем.

Луки также были важным оружием и всегда служили добрую службу. Старые тетивы за зиму рассохлись, потеряли упругость, поэтому их заменяли, и готовили еще несколько про запас. Тетивы вили из сыромятной кожи, сухожилий или льняных нитей, пропитанных воском, чтобы не боялись сырости.

Делали и запасные древки. Тис, вяз, ясень - лучшие деревья для лука - сушились в княжеских и купеческих амбарах с осени, и теперь из них выстругивали гладкие, гибкие дуги, которые клали в кипяток, чтобы дерево стало податливым, потом гнули, сушили, снова гнули, пока лук не обретал нужную форму.

Стрелы, по две сотни на каждого лучника, насаживали на древки из березы, заготовленные еще зимой, оперяли гусиными перьями и наконечниками - бронебойными для боя, широкими для охоты, зазубренными, чтобы не вытащить из раны.

Щиты каждого хирдмана, которые в походах обычно крепили на борта драккаров, тщательно осматривали. Старые, побитые стрелами или расколотые в прошлых битвах, шли для тренировок или на растопку. Новые - окованные железом по краю, с умбонами в центре - красили в яркие цвета, наносили защитные руны, чтобы издали было видно, где свои, а где чужие. Ремни для руки меняли на новые, потому что старые могли порваться в самый неподходящий момент.

Кольчуги и шлемы тоже требовали внимания. Кольчуги чистили песком, сбивали ржавчину, если такая появилась, проверяли каждое кольцо - не лопнуло ли, не погнулось ли? Порванные места сплетали заново, заменяя испорченные звенья и вставляя новые. Шлемы, разные, с наносниками, с полумасками, с личинами, простые колпаки, полировали до блеска, чтобы враг видел свое отражение в последние мгновения жизни. Носили их не все - многие предпочитали простые кожаные шапки с железными полосами, дешевые, легкие и удобные.

- Ты бы шлем себе подобрал, - сказал однажды Ратибор юному Малу, своему воспитаннику, который примерял по руке новый меч из запасов в оружейной кладовой. - В бою голова - не самое защищенное место.

- Не люблю шлемы, - ответил Мал, улыбнувшись. - Жарко в них, и ничего не слышно.

- В сече слышать особенно и не надо, - проворчал воевода. - Надо видеть и успевать уклоняться. А без шлема ты скорее перестанешь и видеть, и слышать, и вообще что-либо делать. Без шлема можно, только если в засаде с луком сидишь, когда тебя укрытие и расстояние от врага защищает.

Мал задумался, потом кивнул и попросил кузнеца подогнать ему шлем по голове.

Ярл Акке готовился к походу со всеми, хотя его путь был куда короче - до Эзеля, где его ждал конунг Айварс. Ярл самолично проверял каждый мешок с мукой, каждый бочонок с солониной на своем корабле. Он знал, что в пути может случиться всякое - на Двине вражеские засады в тихих заводях, нападения на ночных стоянках, а в море - ветра противные, шторма затяжные. Лишняя горсть муки или кусок вяленого мяса могли спасти жизнь.

- Ты куда столько набираешь, друг-ярл? - удивился Сергей, увидев, как хирдманы Акке грузят припасы на корабль. - До Эзеля-то недалеко.

- Недалеко - это когда по дороге спокойно, - ответил Акке. - А если не повезет? Если шторм забросит куда не надо? Если придется уходить от погони? В пути лучше иметь лишний мешок, чем лишний камень.

Сергей спорить не стал. В словах Акке была своя логика, да и запас карман не тянет.

Князь Олег тоже не оставался в стороне. Он приходил на берег каждый день, расспрашивал, как идет подготовка, давал советы, распоряжался, чтобы из княжеских запасов выделили еще и еще. К нему подходили ярлы, которые принимали участие в сборах отряда, докладывали о готовности. Все шло по плану.

- А ты сам-то, Олег, чем все же займешься? - спросил как-то Ратибор, когда они вдвоем стояли на берегу и смотрели, как грузят последние бочонки.

- Вопрос с лехитами решать буду, - вздохнул Олег. - На границе неспокойно, сам знаешь, нужно укреплять рубежи, строить новые заставы. А вам - счастливого пути. Не рискуйте там.

- Постараемся, - кивнул Ратибор. - Но ты понимаешь, что случиться там может все, что угодно. Но не впервой, прорвемся!

Олег положил руку ему на плечо.

- Береги себя, Юра. И Серёгу береги. И мальчишку этого, Магни. Он молод, горяч. Такие часто первыми гибнут.

- Не забывай, что Магни у тестя останется, - напомнил Ратибор. - А уж на Двине с нами ничего произойти не должно. На пять драккаров напасть - это такой изощренный способ самоликвидации, что даже обсуждать смысла нет.

Наконец, когда солнце уже клонилось к закату, все было готово. Корабли стояли на воде, слегка покачиваясь, нагруженные под завязку. В трюмах - мешки с мукой, бочонки с солониной и рыбой, кадки с капустой, связки сушеных овощей. На палубах, вдоль бортов, - щиты, копья и стрелы, связанные в пучки.

Палубы сияли чистотой и порядком, корпуса драккаров блестели новой смолой.

- Завтра на рассвете отплываем, - объявил Ратибор, когда все собрались на берегу у костров. - Отдохните хорошенько - впереди тяжелая работа.

Костры горели ярко, освещая лица воинов. Кто-то чинил порванную ременную петлю на щите, кто-то правил нож о камень, кто-то просто сидел и смотрел в огонь, думая о том, что ждет впереди.

Акке сидел отдельно, на камне у самой воды, и смотрел на свой корабль. Он уже много раз уходил в поход, много раз возвращался, и каждый раз - как в первый.

- Дойдем? - спросил его Магни, подсаживаясь рядом.

- Дойдем, - уверенно сказал Акке. - Корабли крепкие, припасов хватит, люди опытные. Чего не дойти?

- А если встретим кого?

- Встретим - значит, встретим, - усмехнулся ярл. - На то мы и викинги, чтобы встречать и провожать.

Они замолчали. Вода плескалась о борта кораблей, где-то вдалеке кричала ночная птица.

Глава 5.

За считанные дни до отплытия на Север, полоцкий воевода Ратибор Белый Кречет не находил себе места в собственном подворье. Две седмицы назад князь Олег, которого в Полоцке все чаще звали Олегом Вещим за его умение предвидеть и предчувствовать будущее, на тайном разговоре в своем тереме поставил ему предварительную задачу. Потом они снова обговорили все подробнее, с глазу на глаз. Слова князя были скупы, как рубцы на боевом щите:

«Прежде, чем пойдешь на север, выбери и отправь людей, как хотел, чтобы Витебск начали строить. Я помню, как мы это обсуждали, Юра. Место там очень полезное, торговый путь оживленный, а крепости нет. Сделаешь - будет Витебск второй нашей твердыней после Полоцка на пути из варяг в греки. Тебя там князь-воеводой поставим, как и говорил. Личная вотчина, которая доход твоей семье приносить будет. Я с Ингигердой уже все обговорил, она

согласна те земли тебе в кормление отдать. Об одном попрошу - крепость надо выстроить к зиме, не позже».

Ратибор тогда лишь склонил голову, но в груди екнуло: быть ему все-таки не только воеводой, но и князем. Не забыл про тот давний разговор друг Олег. Ух, это ж какая ответственность! Справится ли он? Скорее да, чем нет. Но виду Ратибор не подал. Князь Олег не любил лишних вопросов - только ответы.

И вот теперь, за два дня до отплытия, когда шесть кораблей были осмолены, паруса сшиты, а дружина и хирды друзей дожидались лишь знака, Ратибор решил: пора говорить с тем, кому поручит он важное строительство. С тем, кому предстояло стать его глазами и руками в этом деле.

Подворье воеводы, обнесенное крепким частоколом, стояло на берегу Двины и имело собственный выход к реке и причалы. Здесь пахло смолой, сыромятной кожей и кузницей. На вертелах дымились бараньи и свиные туши, готовившиеся к ужину. Дружинники, кому не выпало ночной стражи, лениво перебрасывались костями на крыльце гридницы.

Ратибор, уперев руки в бока, обходил двор, задумчиво заглядывая в каждый угол.

- Чеслава ко мне, - бросил он мимоходом отроку, подливавшему воду в бочку. - И пусть возьмет все для письма.

Отрок метнулся к складским сараям, где должен был находиться управляющий подворьем Чеслав. А Ратибор пошел в малое усадебное святилище, устроенное в дальнем углу подворья, где у деревянных идолов Перуна и Велеса теплился неугасимый огонь, и замер там на миг. Не богам молился - нет, он привык верить только в выучку, добрый меч да весло - а так, остудить душу, чтобы не кипела, когда предстоит говорить с Чеславом о деле, которое доверить можно только очень ответственному и честному человеку, каким он Чеслава и считал.

Постояв немного, Ратибор вернулся в терем.

Чеслав не заставил себя ждать. Он появился со стороны задних ворот, где размещались сараи с продовольствием. Приказчик отвязал от пояса берестяной туесок - там были и чистые листы гладкой бересты, и дорожный пергамент, и пузырек с чернилами, и вощеная цера - все для записей. Резец-стило из вороненой стали висел на кожаном шнурке поверх рубахи.

В свои двадцать с небольшим Чеслав казался младше от угловатой худобы и не набирал мяса, несмотря на обильное питание и тренировки с оружием. Весь он был быстр: быстрые руки, быстрые глаза, быстрая, чуть заикающаяся речь, словно мысли обгоняли язык. Племянник Стояна, старого полоцкого десятника, того самого, что участвовал в тайной борьбе с незаконным правителем Полоцка Драгомиром и помогал Ратибору и конунгу Хельги вернуть престол княжне Ингигерде. Дядя отдал Чеслава в науку к Ратибору два года назад - и не прогадал. Парень набрался знаний и умений, повзрослел и стал настоящим помощником Ратибору.

Чеслав оказался цепок на ученье. Счету и грамоте он обучился у ромея Герасима, дружинного лекаря, а остальному ото всех помаленьку - и от воинов, и от купцов.

Теперь Ратибор собирался доверить ему большее - не латать старые стены и считать мешки с мукой, а ставить новый город.

- Заходи в горницу, - кивнул воевода, первым переступая порог. - Разговор долгий. И вели подать туда меду разбавленного - не пить, а горло промочить.

Главная горница Ратибора, в отличие от княжеской, была тесноватой, почти спартанской. Вдоль стен - лавки, крытые волчьими шкурами, в углу - стойка для доспехов и оружия, а посередине - стол из цельного дуба, на котором умещалась и большая берестяная карта, и кубки, и масляные светильники.

Чеслав присел на лавку, расправил плечи, положил перед собой писчие принадлежности. Ратибор, не сядя, прошелся вдоль стола, подошел к окну, набранному слюдяными пластинками, и обернулся.

- Князь Олег поручил нам заложить новый град на Двине, у речки Витьбы, - начал он глухим голосом. - Деревушка там есть, малая, а место это - ключ к торговым путям. Поэтому будем строить детинец с посадом, все, как положено.

Чеслав кивнул, но ничего не сказал - знал, что воевода не любит, когда перебивают, не выслушав.

- Я ухожу на север с дружиной, в Альвхейм. Вернусь ли к зиме - неведомо, но хотелось бы, - Ратибор помолчал немного и продолжил. - А ты идешь на Витьбу и строишь город.

Чеслав втянул воздух. Такого он, конечно, не ожидал. Думал, поручат сопровождение обоза или закупку зерна, а тут - стройка, да какая.

- Один? - спросил он и сам удивился тому, как спокойно вышло.

- Не один. Серебра я тебе даю столько, что хватит на три крепости, - Ратибор подошел к дальней стене, отодвинул деревянную панель, за которой открывался потайной ларь, врезанный в сруб. Ларь был обит железом, и на нем висел амбарный замок размером с кулак. - Ключи останутся у жены моей, Айникки. Она все знает и при надобности выделит тебе еще серебра, сколько понадобится. А теперь смотри.

Воевода открыл ларь. В полумраке гридницы тускло блеснуло серебро. Там лежали и рубленные гривны, и арабские дирхемы, и франкские денарии, и скеаты англов, и витые слитки в виде колец и браслетов. Ратибор начал выгребать пригоршню за пригоршней, высыпая серебро на стол.

- Это только начало. Здесь около сорока гривен, - он почесал скулу, прикидывая, считая. - Наймешь артели лесорубов, плотников, землекопов, печников со всех окрестных земель - любых, кто умеет рубить, копать, строить и ставить тын. Плати не за день, а за готовую работу - за стену, за башню, за угол. Так и выполнят быстрее, и воровства меньше будет.

Чеслав взял одну монету, потер пальцем - серебро было хорошее, чистое, с красивыми закорючками арабской вязи.

- А если не хватит? - спросил он, поднимая глаза.

Ратибор усмехнулся.

- Тогда ты идешь обратно в Полоцк,ходишь к Айникки, и она выдает недостающее. Если не хватит и этого, то идешь к князю Олегу - он поможет.

Чеслав судорожно сглотнул. Еще бы! Столько серебра! Это была, считай, казна малого княжества. Доверие Ратибора к нему оказалось не просто великим - оглушительным. Но обращаться к князю парню не хотелось категорически, слишком боязно.

- Дядя Стоян мог бы помочь... - начал он.

- Дядя твой знает ровно столько, сколько ему надо знать: что ты идешь с моим поручением. И все. А сколько серебра с тобой будет - того не ведает. Не со зла, а для его же безопасности. Пойми, Чеслав, на Витьбе будут и свои, и чужие. Увидит лихой человек мешок с серебром - отрежет голову, не моргнув. Потому охрану я тебе дам такую, что не всякий князь имеет. Идем!

Ратибор вышел на крыльцо, свистнул особым, двойным свистом - высоким, на две ноты. Со двора, из разных углов, начали стекаться люди. Чеслав, выглянув из-за плеча воеводы, увидел три небольших группы, ничуть не похожих друг на друга. Он, конечно, знал их всех - из дружины Ратибора воины.

Первыми подошли печенег. Пятеро, в высоких войлочных шапках, подбитых мехом, с чуть раскосыми удалыми глазами. Впереди - Талмат, смуглый брюнет с седыми прядями в бороде, невысокого роста, но с фигурой атлета, одетый в богато расшитый тегилый. На широком поясе, густо украшенном серебром, две изогнутые сабли в потертых ножнах. Талмат верно служил Ратибору третий год, хоть раньше и командовал тысячами всадников, пока не потерял все из-за интриг каких-то далеких восточных правителей. Ему и его печенегам не было равных в разведке и засадах, а также стрельбе из лука.

- Это - твои глаза и уши на подходах к Витьбе, - сказал Ратибор Чеславу, кивая на печенегов. - Они даже когда спят в седле, видят след на прошлогодней листве и слышат скрип телеги на полпоприща⁶. Поставь их в дозоры - пускай объезжают окрестности, а в случае опасности дадут тебе знать.

Талмат глянул на Чеслава, хмыкнул по-своему, но руку на саблю не положил - добрый знак. Раз Ратибор сказал, значит так и надо.

Вторыми подошли варяги. Их было ровно десять. Десяток, подобранный Ратибором из тех, кто пришел к нему, когда Драгомир разогнал варягов из дружины. В кольчугах, в шлемах с полумасками, с длинными секирами на плечах и мечами на поясе. Старшим над ними был Турбрид - огромный, грозный лицом и молчаливый до жути. Он говорил только тогда, когда слово могло заменить удар. Остальное время молчал и улыбался краешком губ.

- Этим гридням я доверял свою спину в сечах, - сказал Ратибор уже тише, чтобы слышал только Чеслав. - Они не пьют до дела, не грабят без приказа и не бросают своих. Но им нужен твердый голос. Если заколеблешься - сожрут, а если встанешь прямо - умрут за тебя. Они на месте тебя и смердов охранять будут.

И наконец трети. Те, кого Чеслав видел реже всего. Земгалы. Их было пятеро - все из отряда Дзидры. Невысокие, жилистые, с татуированными руками и своим непонятным языком, но понимающие и говорящие на славянском наречии. На поясах - длинные ножи, за спинами охотничьи луки и легкие сулицы. Одеты все в темное, почти сливаясь с сумерками. Их называли лесовиками. И они действительно жили в лесу, когда разбойничали на Двине. Ратибор взял их в плен, а потом принял в дружину. Их вожак Дзидра уйдет с Ратибором, поэтому тех, кто отправится с Чеславом, возглавит Гундарс - сухой, как коряга, с глазами светло-голубыми, почти белыми, никогда не улыбающийся.

- Гундарс возьмет своих пятерых и будет в лесах вокруг приглядывать. Это у них лучше всего получается, - продолжил Ратибор. - Всего выходит пятеро печенегов, десять варягов и шесть земгалов. Дам тебе еще шестерых хузар во главе с Езекией бар Кофином. Они в отъезде сейчас, к отправлению как раз вернутся. Двадцать семь воинов. И плюс ты сам - двадцать восьмой. Меч держать ты умеешь. Этого хватит, чтобы отогнать любую ватагу, но мало, чтобы воевать. Твоя война - топор и заступ, а они - твои глаза и ограда. Строительные артели тоже вооружи хотя бы топорами, да копьями. В случае чего, сразу шли гонца в Полоцк - князь поможет. Понял?

Чеслав переводил взгляд с печенега на варяга, с варяга на земгала. Голова шла кругом, но в груди загоралось то самое, знакомое еще по первому бою, чувство страха и восторга одновременно.

- Понял, воевода.

- Тогда идем обратно, будешь слушать дальше, с чего начать следует.

Воевода отпустил воинов, и они с Чеславом вернулись в горницу.

Там Ратибор развернул берестяную карту, нарисованную так аккуратно, что Чеслав ахнул. На ней были указаны и речные глубины, и направление течения, и отметки лесных массивов, и даже господствующие ветры - вещь, о которой редко думали строители, но которую сам Ратибор считал важной.

- Первое, - начал воевода, тыкая пальцем в точку слияния Двины и Витьбы. - Крепость. Ставь не на самом берегу, иначе водой размочит, а на высоком месте, локтях в пятидесяти от воды. С юга и запада там овраги, как я помню, так их углубить надо и превратить во рвы. С севера и востока - ров копать самим. Ширина - десять локтей, глубина - шесть. Дно забивай заостренными кольями.

⁶ Поприще, по мнению В. Даля, приравнивалось к 20 верстам (примерно 21 км), в других источниках так говорится о дневном конном переходе.

Чеслав запоминал и делал себе пометки, поглядывая на бересту, где Ратибор рисовал поверх карты схему крепости.

- По краю рва - вал из земли и глины. Вал не просто сыпать, а слоями, с проливкой, чтобы не оседал. На валу - тын из бревен в два ряда, с засыпкой щебнем и песком. Такую стену не проломить тараном, не поджечь сходу. В тыне - бойницы через каждые пять локтей. На углах - башни на десять локтей высотой, с навесным боем. Ворот двое сделать, на разные стороны, а над воротами - мост подъемный, на прочных канатах.

Он рисовал на бересте острым стилем, и Чеслав ловил каждое движение. Ратибор не просто перечислял - он видел эту крепость уже стоящей, потому что начал обдумывать проект еще задолго до этого.

- Во дворе детинца - длинные дома, клетки для запасов, колодцы не меньше двадцати локтей, терем для князя, гридница для дружины и дом княжьего посадника. И обязательно - сенник для сушки зерна и рыбы. Без сенника все запасы сгниют к весне.

- На все это сколько ж леса надо? - спросил Чеслав, прикидывая в уме.

- Сосны и дуба не жалеть. Я тебе дал серебра - наименьше артелей сколько нужно. Работают пусть сменами, чтобы строительство не останавливалось ни днем, ни ночью. К зиме крепость должна стоять. Это не блажь - это приказ князя.

Воевода перевел дух.

- Второе. Жилая и торговая часть. За стенами детинца, понятное дело, но под его защитой. Жилые срубы купцам и ремесленникам - с выходами на улицы, с печами, с сараями. Дворы - мощеные плахами, чтобы грязь не месить. Отдельно - гостиный двор для приезжих купцов: два-три длинных дома, баня, кабак с кухней.

Ратибор вопросительно посмотрел на Чеслава - понял ли тот идею. Парень кивнул.

- Третье - причалы, - Ратибор отчертил на бересте место ниже слияния рек. - Ставим восемь пирсов из лиственницы - один княжеский, два моих, пять - гостям. Лиственница в воде не гниет. Пирсы на сваях, с настилом в полбревна, чтобы телегу груженую выдержали, и между пирсами - съезд к воде для погрузки бочек.

Чеслав покивал снова.

- Четвертое и главное. Склады, - Ратибор сжал кулак. - Для начала два десятка бревенчатых клеток, сухих, с двойными стенами и засыпкой мятой глиной. В каждой клетке - подтоварные решетки, чтобы воздух снизу ходил. И печи-каменки на дальней стене - чтобы купцы сушили промокший товар. Если я вернусь из Альвхейма и узнаю, что меха или шкуры гниют от сырости - я тебя найду даже в Ирии.

Чеслав хмыкнул - шутка, но не очень смешная.

- И пятое, последнее. Сараи для зимнего хранения кораблей, - Ратибор сделал паузу. - Это важно. На берегу, выше уровня ледохода, ставишь большие сараи. Ширина - чтобы корабль с веслами зашел, длина - для драккара на шестнадцать румов. Ворота с двух сторон, на запад и на восток. Крыша - двускатная, тесом крытая, чтобы снег соскальзывал. Внутри - козлы для килей и канаты для тяги, чтобы весной корабли заранее смолить и конопатить начинали, не дожидаясь, пока лед сойдет, а потом сразу на воду, не теряя времени.

- А если половодье? - спросил Чеслав. - Сараи смоем.

- Потому ты и поставишь их выше защитного вала. Со стороны реки - берег укрепишь бревнами и камнями. Не жалея на это сил - укрепление спасет и причалы, и сараи. Я тебе денег дал - потрать их на хороших плотников, а не на первых попавшихся.

Воевода отошел от карты, взял кубок с медовухой, сделал глоток и поставил обратно недопитым.

- Все, что я назвал, соблюдать в твердом порядке. Не вздумай ставить сперва торговые ряды, а крепость потом. Крепость в первый черед! Без стены вырежут и тебя, и купцов, и плотнические артели. Запомни: стена - это мать города, все остальное - дети.

Ратибор помолчал немного, раздумывая, о чем наказать дальше.

- Теперь о самом важном человеке на Витьбе - Ждане, - сказал Ратибор, и голос его потеплел при имени седого деревенского старосты. Ждан был из тех редких людей, чья честность не продается за серебряный денарий и не ржавеет от дождей. Старик уже не раз выручал его в прошлые годы. Авторитет Ждана в тех лесах был больше, чем у любого волхва.

Воевода подошел вплотную к Чеславу.

- Когда придешь на Витьбу, найди его в деревне и поклонись в пояс. Скажи: «Ратибор Белый Кречет велел тебе кланяться и просить помощи ставить город на этой земле». Потом передай ему вот это, - Ратибор вынул из-за пазухи кожаный кошель. - Там три гривны серебра и золотой византийский солид - не плата, а дар Ждану, от меня лично. Он поймет.

Чеслав принял кошель, спрятал за пазуху.

- Ждан уже помогал мне не раз. Он даст тебе людишек из местных, укажет, где лес валить, найдет тебе кузнецов, плотников и бондарей. Без Ждана не надейся на удачу, но с ним вместе горы свернете.

- А если он откажется? - спросил Чеслав, хотя сам не верил в такой поворот.

- Не откажется, я знаю Ждана. Мы с ним договаривались, - Ратибор усмехнулся. - Но на всякий случай напomini ему, что посадником в городе будет он.

Оба помолчали. В гриднице было слышно, как на дворе звякают железом - воины снимали кольчуги и готовились к вечерней трапезе.

- Ты спросишь, почему именно ты, - вдруг сказал Ратибор, глядя не на Чеслава, а в окно, где над Полоцком заходило солнце. - Потому что я видел, как ты справился с управлением усадьбой. Не каждый такое вытянет. И потому что ты не боишься думать. Мне нужен на Витьбе не просто меч, а голова. Твоя голова.

Чеслав встал, положил левую руку на грудь.

- Клянусь Перуном и Велесом, воевода Ратибор, построить город. Стену поставить, причалы срубить, сараи оборудовать. А коли не сделаю - сам лягу в первый ров, вместо бревна.

- Верю, - коротко ответил воевода. - Теперь иди. Готовься. Через два дня выступаешь на Витьбу. Печенег с хузарами пойдут передовым отрядом, за ними ты с варягами и обозом серебра. Земгалов Дзидры распредели по краям обоза и позади - они лучше всех видят засады.

Он протянул руку, и Чеслав сжал ее в крепком, до хруста, пожатии.

- Выстрой град так, чтобы через двести лет правнуки хвалились: «Это поставили Чеслав и Ратибор». Понял?

- Понял, воевода.

- Иди. И скажи воинам, чтобы готовились выступать. Вы пойдете на юг, я - на север. А встретимся ближе к зиме в Витебске, у новых стен.

Чеслав поклонился, снова прижав ладонь к груди, и вышел, слегка пошатываясь - от тяжести доверия, от мешка с серебром в руках, от внезапно навалившейся ответственности.

Ратибор остался один. Он подошел к ларю, проверил замок, а потом выглянул в окошко и увидел, как Чеслав пересекает двор, вышагивая твердой походкой хозяина, наделенного властью. Ратибор усмехнулся про себя: «Возмужал парень. А ведь это я поучаствовал в его становлении, могу гордиться. Витебск будет стоять, этот точно справится».

Через два дня, когда над Полоцком взошло яркое весеннее солнце, Ратибор с друзьями и дружинами уже грузился на корабли. У дальнего причала, прикрытые кожаными пологам, стояли две дюжины подвод с добром Чеслава и тех, кто с ним отправлялся - оружием, личными вещами, кухонной утварью, инструментом, скобяными изделиями, пенькой, смолой, походной кузней и, конечно, тем самым ларем с серебром, который воевода выдал приказчику.

Чеслав, одетый по-походному в стеганный поддоспешник, а поверх - в хорошую кольчугу, подарок Ратибора, с мечом на левом боку и топором на правом, подошел прощаться.

- Ни пуха, воевода. Удачи тебе на Севере.

- Ни пуха, Чеслав, - Ратибор, уже стоя на корме своего драккара, наклонился через борт.

- А Ждану мой привет особый. Скажи: к зиме буду, с победой и с пивом, а с него - медовуха.

Корабли один за другим отчалили. Гребцы налегли на весла, и строй растянулся по Двине серебристой чешуей.

Князь Олег в окружении своих ярлов и домочадцев, махал им рукой вслед.

- Боги с вами! - крикнул он, когда последний корабль, нагруженный припасами и людьми, отошел от причала. - Возвращайтесь с победой!

- Вернемся! - донеслось с воды.

Корабли двинулись вниз по Двине, держась середины реки, где течение было сильнее. Весла взлетали и опускались в такт, паруса, еще не расправленные, лежали на реях. Впереди был долгий путь по реке, через море, мимо островов и скал, мимо чужих берегов и незнакомых людей. Впереди было много земель и людей на этих землях, что предстоит повстречать. Впереди был Альвхейм - дальний север Норвежской земли, куда не всякий отваживался сунуться.

Но сейчас, в этот первый час пути, все были полны сил и надежд. В трюмах лежали припасы, на поясах висели мечи и скрамасаксы, в руках были весла, а впереди - ветер и вода. И это было главное.

Чеслав стоял на пристани, пока последний драккар не скрылся за поворотом, а потом зычным голосом, которого сам от себя не ожидал, крикнул:

- Поднимай обоз! Талмат с Езекией - вперед, варяги - со мной, земгалы - по бокам и замыкающими. Идем на Витьбу строить город.

Длинный обоз тронулся. Впереди, на степных конях, качались в седлах воины славного Талмата и не менее славного Езекии. В самом сердце обоза, мерно и тяжело, как ход времени, шагали десять варягов, которых возглавлял Турбрид. В середине скрипели телеги с добром, а по лесам, невидимые глазу, скользили тени земгалов.

С таким обозом дорога до устья Витьбы обещала быть долгой, но Чеслав знал: там, у слияния рек, стоит изба старого Ждана, у крыльца висит медвежий череп, а в подполе - тот самый бочонок меда, который ждет Ратибора. И к тому времени, когда воевода вернется из Альвхейма, на берегу уже будет стоять крепость. Крепость по всем правилам, крепкая и своя. И называться она будет Витебском.

На следующий день после отбытия Ратибора и Сергея с товарищами, князь Олег созвал совет.

Он сидел на дубовом престоле, обтянутом медвежьими шкурами, и задумчиво водил пальцем по серебряной насечке рукояти франкского меча с клеймом +VLFBERT+ на клинке. В гриднице было сумрачно; лишь редкие лучи зимнего солнца пробивались сквозь узкие оконца, прорезанные в толстых стенах терема. Пахло пирогами, свежим деревом и воском, которым натирали пол. В центре зала мерно гудел огонь в большом очаге, отбрасывая пляшущие тени на лица ярлов, хевдингов, воевод, сотников и бояр, что теснились вдоль лавок.

- Подойди, воевода Варяжко, - молвил князь, и голос его прозвучал громко, чуть ли не на весь зал. - Ближе стань.

Воевода, молодой муж с симпатичным лицом, обрамленным светлой, кудрявой бородкой, сделал шаг вперед и уважительно склонил голову в ожидании. Князь поднялся, и сразу стало тесно в зале: широкие плечи Олега, облаченные в багряный корзно, казалось, заполнили собой все пространство. Он протянул воеводе мешок, глухо звякнувший металлом.

- Вот тебе серебро, и слушай меня внимательно, Варяжко, для чего оно. На западных рубежах наших, где Западная Двина, словно копьё, пронзает земли кривичей, встречается в нее река Дисна. Там, на слиянии, лежит остров. Место то - кость в горле у всякого, кто захочет подступиться к Полоцку с запада. Слушай мой приказ - поставишь там гард, для этого серебро

тебе и даю. И не простой посад, а крепкий городок, с валом, высоким частоколом и башнями, чтобы стал он стражем, крепостью на пути из варяг в греки и щитом земли нашей.

Князь шагнул к резному столу, где на бересте была начертана схема речных излучин, острова и будущей крепости. Дружинники и бояре зашевелились, подались вперед, чтобы не пропустить ни слова.

- Слушай зодчих, что дам тебе в помощь. Велю им возвести укрепления по науке ромейской. Перво-наперво - ров и вал. Ров копайте глубиною в два копья, чтобы конному не перескочить, а пешему не выбраться. Из земли, что вынете, насыпьте вал. Но не просто землю ворохом кидайте, а поставьте внутри городни - срубы из крепкого дуба, каждый в десять венцов, один к другому. Те срубы земель засыпать и утрамбовать, чтобы стал вал как каменный. На верху же вала - стену рубленую, с частыми бойницами, да на углах башни воздвигнуть. В башнях лучников посадить, чтобы стрелой доставали всякого, кто с воды сунется. А у самого берега - частокол из дубовых кольев, заостренных кверху, чтобы суда вражеские не могли причалить без боя.

Князь Олег перевел дух, обвел взглядом притихших бояр и продолжил, и голос его стал жестче:

- Внутри ограды поставить клетки для житниц, чтобы хлеб и солонина в осадное время не переводились. Колодцы вырыть до самой жилы подземной - в осаде без воды гибель горше, чем от меча. И терем малый для воеводы, и длинные дома для хирдманов, чтобы зимой не мерзли, да кузницу походную - чинить кольчуги со шлемами и ковать наконечники стрел и копий.

Князь взял со стола бересту, подал ее воеводе.

- А ныне о гарнизоне. Даю тебе два десятка гридней из моей дружины, тех, кто опыта битв большого хоть и не имеет, но обучен толково. Каждый из них - волк, а не человек. Добавлю три десятка воев-копейщиков из ополчения, кто грамотен в строю, и пять десятков лучников из весян, чтобы в любой час день и ночь дозор на башнях держали. Лучникам наказ особый - стрелы бронебойные иметь, против доспехов, а также всех других стрел - большой запас, а к ним - смолу и паклю, чтобы жгли корабли чужие, ежели враг подойдет. Да приставлю к тебе десятка три ладейщиков - тех, кто на малых ладьях ходить быстро умеет. Пусть сторожевые лодки держат на воде, дабы ни один соглядатай или враг не прошел по Двине незамеченным и без досмотра не проскочил.

Воевода Варяжко принял бересту, поклонился.

- А кормить и поить дружинников чем повелишь, княже?

- На первое время возьмешь из моих житниц сколько нужно ржи, овса, да солонины в бочках, да меда. А летом пусть рыбачат, зверя быют в окрестных лесах. С торга, что вниз по Двине пойдет, десятина мне, а на прокорм гарнизону - такая же доля. Передай всем, что торг пусть будет честный, купцов не обижать, но смотреть, чтобы товар воинский - железо, воск, оружие - без моего слова мимо не пропускали.

Князь помолчал, затем положил тяжелую руку на плечо воеводе.

- Помни, Варяжко, что тот остров ныне - важный край земли нашей, оборона от лехитов и другой нечисти. Но не будет там беды, коли ты поставишь крепость, которая простоит и сто, и двести лет, чтобы отныне всякий враг, идущий на Полоцк, сперва разбил себе зубы о стены городка. Исполнишь - награжу землями и серебром. А если спустя рукава дело поведешь - сам понимаешь. Но я в тебя верю. Иди.

Молодой воевода еще раз уважительно поклонился и вышел из гридницы исполнять приказ князя и старшего родича. Хирдманы с боярами зашумели, зашептались, но князь уже не глядел на них - его взор ушел через оконце поверх крыш полоцких, к закату, в ту сторону, где дальше по Двине, на слиянии с Дисной, стоял посреди реки невидимый пока остров. Там, среди ольхи и корявых сосен, вскоре должны были подняться стены, которым на века предстояло стать западным стражем всей Полоцкой земли.

Глава 6.

День уже клонился к вечеру, и Западная Двина, широкая и величавая, горела огнем. Весеннее солнце, похожее на раскаленный щит, опускалось за черную стену соснового бора, и его косые лучи дробились на мелкой ряби, превращая реку в расплавленное золото. Воздух наполнился теми особенными запахами летнего вечера, которые так остро чувствуют люди, долго пробывшие на воде: сырой песок, нагретая хвоя, далекий дымок - то ли от костра рыбака, то ли от лесной заимки одинокого охотника где-то в лесу.

Шесть драккаров шли один за другим хищным змеем, растянувшимся на полсотни локтей друг от друга. Корабли, хоть и разные по размеру, но такие похожие, как братья-близнецы, вмещающие по три десятка гребцов каждый, а то и больше. Головы драконов на носках были вырезаны с тем свирепым мастерством, какое отличает истинных северных корабелов. У одного дракона пасть была раскрыта в вечном крике, у другого - застыла в хищной усмешке, третий имел на морде следы от ударов копий - память о недавнем сражении у стен Полоцка. Четвертый, пятый, шестой... У каждого дракона в глазницах хищно пылали самоцветами янтарные глаза, наполняя их разными оттенками - от золотисто-медового до насыщенного коньячного и кроваво-красного.

На головном драккаре, который звался «Белый Кречет», у кормы стоял воевода Ратибор. Он был высок и широк в плечах так, что кожаная рубаха трещала на нем при каждом движении. Длинные русые волосы были стянуты кожаным ремешком. Глаза у Ратибора были странные: серые, пронзительные, и в них всегда светилась та спокойная, холодная жесткость, которая заставляла умолкать самых буйных собеседников.

- Ярл, - окликнул его кормчий, дядька Торир, старый дан, чья мудрость ценилась в дружине воеводы дороже золота. - Слева отмель, я чую ее по течению. Правее заберу, к самому лесу.

Сказал он это не для того, чтобы получить разрешение на маневр, а с намеком, что пора искать место для ночлега.

- Правее, - сообразив, о чем речь, кивнул Ратибор. - Ищи пологий берег. Становиться будем на ночь. Пора отдохнуть и перекусить. Завтра к полудню доберемся до гарда конунга Бернта.

- В прошлый раз мы там хорошо отдохнули, - усмехнулся Торир, обнажив крупные зубы. - Некоторые до сих пор ребра свои ощупывают время от времени!

Он посмотрел на мирно сопящего у мачты берсерка Болли Костолома. Тот, оказывается, вовсе и не спал, и при словах Торира встрепенулся.

- Мои ребра в порядке! - буркнул поначалу он, но потом расплылся в улыбке. - Но знатно тогда меня Ратибор приложил, это да!

Все трое расхохотались.

- Ладно, рули к берегу, Торир! - отсмеявшись, распорядился воевода и отошел к носу, встал рядом с резной головой дракона, и долго смотрел на берег, который медленно приближался.

Шутки шутками, но в голове его текла неторопливая, тяжелая дума. Этот участок пути не предвещал ничего опасного, потому как вряд ли здесь найдется хоть какая-то сила, которая решится напасть на отряд из шести драккаров. Но Ратибор знал: граница Полоцкого княжества неспокойна. С запада постоянно лезли лехиты - воины князя Лешко, который никак не мог унять свою жадность. Кроме того, по Двине шастали разбойники из местных земгалов, селонов, латгалов, которых поймать совсем не просто - сегодня пограбили и в лес ушли, или протоку какую, а завтра - они уже мирные купцы или охотники.

«Ничего, - подумал Ратибор, поглаживая рукоять меча, висевшего на поясе. - Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. С нами полтораста копий. Этого хватит, чтобы отбиться от любой швали. Но побережься и быть начеку все же стоит».

Но где-то глубоко, в самой глубине души, шевельнулось смутное беспокойство. Он посмотрел на палубу, где на нескольких румах и среди тюков с товаром сидели земгалы, лесовики как раз из таких разбойников, когда-то захваченных его хирдом в плен неподалеку от этих мест, а потом присоединившихся к дружине. И еще селоны, которых Ратибор схватил в гарде Бернта во время грабежа. Они были раньше такими же татями. Все это случилось год назад, когда Ратибор ходил в вик к поморянам.

Воевода посмотрел на старшего селонов, Рюкиса, который был не просто охотником, а был тем, кто умел читать лес, как тот же Торир читал море. И сейчас лицо Рюкиса было напряженным, будто он прислушивался к чему-то, чего другие не слышали. Это Ратибору не понравилось.

«Он тоже что-то чувствует, как и я. Ладно, скажет, если что, - решил воевода. - Рюкис надежный, я ему верю».

Берег, который выбрал Торир, оказался на редкость удобным: пологий песчаный склон, поросший редкой осокой, плавно поднимался к лесу. Справа и слева от стоянки в Двину впадали два маленьких ручья - чистая вода, что для ночлега важно. Лес отступал от воды шагов на пятьдесят, а то и больше, оставляя поляну, поросшую мелкой травой и диким клевером.

- Хорошее место, - сказал Торир, когда «Белый Кречет» с хрустом воткнулся килем в песок. - И пить есть, и дрова рядом, и сзади не подойдут незаметно - поляна широкая.

- Нигде не подойдут незаметно, - буркнул Ратибор. - У нас уши есть.

Он первым спрыгнул на берег, и его мягкие сапоги утонули в мокром песке по щиколотку. За ним, не дожидаясь команды, начали прыгать остальные. Варяги и викинги, хотя разница между ними была невелика, ведь все они были в одном хирде, старались говорить на одном языке и молиться одним богам, пили из одного рога, выгружались на берег с той деловой суетой, которая отличает воинов, привыкших каждую ночь проводить на чужой земле.

Первыми на берег полетело оружие - связки копий и сулиц. Их составляли в пирамиды, чтобы в случае тревоги каждый мог схватить свои. Рядом складывали луки с пучками стрел и щиты. Хирдманы всегда знали, что и где брать, случись нападение. Затем спустили провизию для ужина - мешки с хлебами, копченым мясом, пшеном, сушеными грибами и ягодами. Затем - бочонки с водой и медом, с соленой рыбой, с квашеной капустой. Все это складывалось в определенном порядке, который строго соблюдался.

Угр Йонаш из Ботшинкая, крепкий парень с ухоженной темной бородкой, среднего роста, широкоплечий, с длинными мощными руками, едва выпрыгнув на берег, тут же упал на колени и поцеловал песок, а потом достал из-за пазухи большой золотой крест на толстой цепи из того же металла и облобызал еще и его. Йонаш был христианином, как и отрядный лекарь, ромей Герасим, но никого это не смущало - Ратибор ввел в дружину свободу вероисповедания сразу, как начал собирать свой отряд.

- Земля! - заорал Йонаш. - Твердая земля! А я уж думал, что у меня ноги навсегда к палубе прирастут!

По неизвестной причине Йонаша начало сильно укачивать на воде.

- Заткнись, Йонаш, - лениво бросил Аудульф. - Не позорься, мы всего два дня по реке идем. Еще не хватало, чтобы местные лесовики увидели, как ты землю целуешь. Они решат, что мы бабы, придут и перережут нас во сне.

- А пусть приходят, - огрызнулся Йонаш, вставая и отряхивая колени. - Я им покажу, где раки зимуют.

- Где раки зимуют, знаю только я, - сказал подошедший Ратибор, и все засмеялись, потому что воевода славился своей любовью к речным ракам, которых любил поедать в вареном виде с укропом и солеными сухариками, запивая пивом.

Смех этот был громкий, раскатистый, беззаботный. В нем слышалась уверенность людей, которые не раз смотрели смерти в глаза и всегда оказывались сильнее. Они не боялись этого леса, этой чужой земли, этих неведомых врагов. Они были варягами и викингами, а этих воинов боялся даже тролли.

Только Рюкис не смеялся. Он смотрел на лес, и его узкие, вечно прищуренные глаза шарили по опушке, выхватывая каждую деталь: наклон веток, примятую траву, темные пятна под кустами. Он знал этот лес - не конкретно этот, а такой, каким он бывает на закате, когда звери и люди готовятся к ночи. Что-то было не так. Птицы молчали. Обычно в это время на опушке начинается пересвист дроздов и щебет зябликов. Сейчас стояла тишина. Только комары звенели, да где-то далеко стучал дятел.

- Что, Рюкис, чуешь беду? - спросил его один из селонов, молодой парень по имени Вецин, с длинными, до плеч, волосами, перехваченными плетеным кожаным шнурком.

- Чую, что что-то не так, - ответил Рюкис тихо. - Только не знаю - что.

Он спрыгнул с кормы, прошел по колено в воде до берега и, не отряхиваясь, направился к тому месту, где Ратибор раздавал указания.

Хирдманы поставили лагерь с той быстротой, которая достигается только постоянной практикой и тренировками. Место выставили в форме подковы, раскрытой к реке - чтобы с трех сторон защищаться со стороны леса, а с четвертой иметь путь к отступлению на корабли. В центре лагеря расчистили площадку - вырвали кусты, сгребли прошлогодние листья, выровняли песок. По краям, на расстоянии полета стрелы, выставили дозорных - всего троих, но самых зорких и выносливых.

- Слушайте приказ, - сказал Ратибор, когда все собрались вокруг. - Шатров не ставим. Ночь уже теплая, ночуем у костров. Спать в доспехах, оружие держать под рукой. Костры разложить так, чтобы свет шел от лагеря к лесу. Врагам не нужно видеть, сколько нас и где мы сидим.

- А если нападут? - спросил кто-то из молодых.

- Если нападут, ты, парень, сделаешь так: сначала вытрешь штаны, потом возьмешь меч, потом начнешь рубить, - усмехнулся Аудульф и щелкнул любопытного дренга по макушке. - Еще вопросы имеются?

Больше вопросов не имелось.

Костров разложили шесть - по числу драккаров - по всем правилам северного лагерного искусства. Сперва выложили на песке основание из крупных речных валунов - их натащали из воды, откуда они торчали серыми спинами. Затем внутрь этого каменного круга насыпали мелких сухих веток - растопку. Поверх веток - щепу, нарубленную из сухого плавника. Когда щепы занялась огнем, сверху набросили более толстые поленья из сырой, тяжелой ольхи, которая дает долгий, ровный жар, не прогорая до утра.

Огонь - это жизнь. Особенно на чужой земле. Когда костры разгорелись, хирдманы почувствовали себя почти как дома. Они расселись вокруг огня на плащах и щитах, вытянув натруженные ноги к теплу. Кто-то уже достал рог, налил меду, кто-то принялся чинить порванную обувь, кто-то просто смотрел в огонь и молчал, вспоминая что-то свое.

Аудульф сидел у ближнего к лесу костра и правил лезвие меча. Камень ходил по лезвию с мягким, мерным и успокаивающим шелестом.

Рядом с ним, на щите, закутавшись в плащ, развалился побратим Беяй. Он сосредоточено вырезал маленьким ножиком какую-то фигурку из деревяшки.

- Слышали, что в этих местах водится? - спросил вдруг Беляй, не поднимая головы. - Леший. Ростом с сосну, волосья зеленые, глаза - как плоски. Кого поймают - того в своей берлоге жрет, а кости потом в овраг кидает.

- Брешешь ты все, Исбьёрн, - лениво отозвался Аудульф, почесав мясистый нос. - Какой леший? Тут, в лесу, тролли водятся, или хульдры, а ты - лешие!

- А ты не смейся, Аудульф, - серьезно сказал старый Торир, который сидел в сторонке и лениво закидывал в рот по одной сушеные ягоды. - Я в этих землях двадцать лет назад ходил с конунгом Сигурдом. Так мы на ночлеге видели, как из лесу вышли три фигуры, высокие, тонкие, как жерди. И пошли к костру. Мы - за мечи, а они как засмеются - будто парус бьется и трещит. И пропали. А наутро у одного нашего пропала тень. С тех пор он без тени ходит, и ничто его не берет - ни стрела, ни меч.

- Это ты про Агвида Железного? Слышал я эту байку, - хохотнул Аудульф. - Так у Агвида тени не было от рождения, его же мать на болоте родила. Да и никто не видел его давно уже! Как в Миклагард с купцами ушел, так и пропал.

- Все может быть, - философски заметил Торир, а потом неожиданно громко чихнул. - А может мать Агвида была хульдрой⁷?

- Интересно было бы повстречать такую, - мечтательно проговорил Эйвинд. - Говорят, что хульдры - настоящие красотки!

- Ага, повстречаешь, влюбишься и уведет она тебя в свое лесное жилище навсегда! - поучительно проговорил Торир. - И попрощаешься ты тогда со всеми остальными женщинами навсегда, не видать тебе их больше!

- Не-е-е, я на такое не согласен, мне много женщин нужно! - немедленно пошел на попятную Эйвинд. - Зачем мне одна, да еще и с коровьим хвостом?!

Смех прокатился по лагерю. Но в этом смехе была доля истинной веры в чудеса - северные люди верили в лесных духов, в домовых, в великанов, в йотунов, и эта вера не была пустым суеверием. Она была частью их мира, такого же реального, как меч в руке.

Рюкис не участвовал в разговорах. Он сидел в стороне от костров, там, где кончался свет и начиналась тьма, и жевал лепешку, медленно, вдумчиво, как волк, который знает, что добыча может появиться в любую минуту. Глаза его были полузакрыты, но он видел все - каждое движение на опушке, каждый шелест, каждый разрыв в тишине.

«Птиц нет, - снова подумал он. - Уже час, как нет птиц. Значит, кто-то ходит в лесу. Кого-то они боятся».

Рюкис не торопился. Опытный следопыт знает: страх - плохой советчик. Сначала нужно проверить, потом думать, а уже потом действовать. Он поднялся бесшумно, так, что даже сухой лист под его подошвой не хрустнул, и скользнул в темноту, в сторону от лагеря, где к воде подходила полоса влажного песка.

Песок здесь был мелкий, светлый, и на нем, как на пергаменте, отпечатывалось все: следы куликов, что кормились у воды; борозды от проползшей водяной крысы; вмятины от капель, падающих с нависшей ивы. Но Рюкиса интересовало другое.

Он нашел их примерно в сотне шагов от лагеря.

Следы были свежие - час, может быть, два. Отпечатки сапог. Не лаптей, не кожаных поршней, а именно сапог - тяжелых, усиленных двойной кожаной подошвой. Рюкис опустился на корточки и долго рассматривал один отпечаток, самый четкий. Носок широкий, округлый - такие сапоги носят пешие воины, которые много ходят, а не сидят в седле. Подметка крепко, на совесть, прошита двойным швом, и стежки отпечатались на песке.

⁷ Хульдра - скандинавское мифологическое существо, красивая женщина с коровьим хвостом, который она старательно прячет от людей.

«Не разбойники, - подумал Рюкис. - У разбойников обувь хуже. Это воины. Дисциплинированные. Идут цепочкой, один за другим, следы почти не оставляют. Эти следы - случайные, воин оступился».

Рюкис поднял голову и посмотрел вдоль берега. Следы шли не прямо, а петляя, прижимаясь к самой кромке воды. Там, где песок тверже, следы почти незаметны - легкая вмятина, которую не разглядит неопытный глаз. Но Рюкис видел. Он видел, как сапог ставили осторожно, чтобы не производить шума. Эти люди умели ходить осторожно. Но не настолько осторожно, чтобы обмануть лесовика.

«Сколько их? - прикинул он. - Один? Два? Нет, слишком много отметин вижу. Четыре? Пять?»

Рюкис, еле дыша, двинулся по цепочке следов в обратную сторону - туда, откуда они пришли. Следы вывели его к кустам орешника, росшим в двадцати шагах от воды. Здесь песок кончился, начиналась трава. И здесь Рюкис нашел то, что искал.

Следы вели в кусты. Но в кустах они рассыпались - уже не один человек, а несколько. Трава была примята в разных местах, образуя небольшие «гнезда», где люди лежали, смотрели, переговаривались шепотом. Одна ветка орешника была сломана - не до конца, а надломлена и отогнута. Слом был свежий: внутри белый, влажный, с тонкими волокнами. Значит, сломали сегодня, пока солнце еще не село - часа два-три назад. Ветку отогнули, чтобы лучше видеть реку. Человек, который ее отогнул, был ростом примерно с Рюкиса - чуть ниже среднего. И стоял он на правой ноге, опираясь левой на корень - вон и отпечаток подошвы на мху.

Рюкис встал на то же место, отогнул ветку так же, как неизвестный, и посмотрел в сторону реки. Отсюда отлично просматривалась вся бухта, где сейчас стояли драккары. Видны были костры, фигуры людей, даже дымок, исходивший от котлов с похлебкой. Идеальное место для наблюдения.

«Смотрели, - понял он. - Смотрели долго и внимательно, считали нас. Потом ушли, но не вглубь леса, а вдоль опушки, в обход лагеря».

Рюкис пошел по следам дальше. Теперь они были отчетливее - здесь, под пологом леса, песок сменился мягкой лесной подстилкой из прелых листьев и мха, и каждый шаг оставлял глубокий след. Рюкис шел медленно, считывая землю, как купец читает свиток. Вот следы остановились - здесь двое постояли, о чем-то посоветовались. Вот один отделился и прошел вперед шагов на десять - разведчик пошел проверить путь. Вот они снова сошлись. Вот третий, самый легкий, - следы его почти не видны, но Рюкис заметил, как чуть примялась лесная подстилка под подошвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.